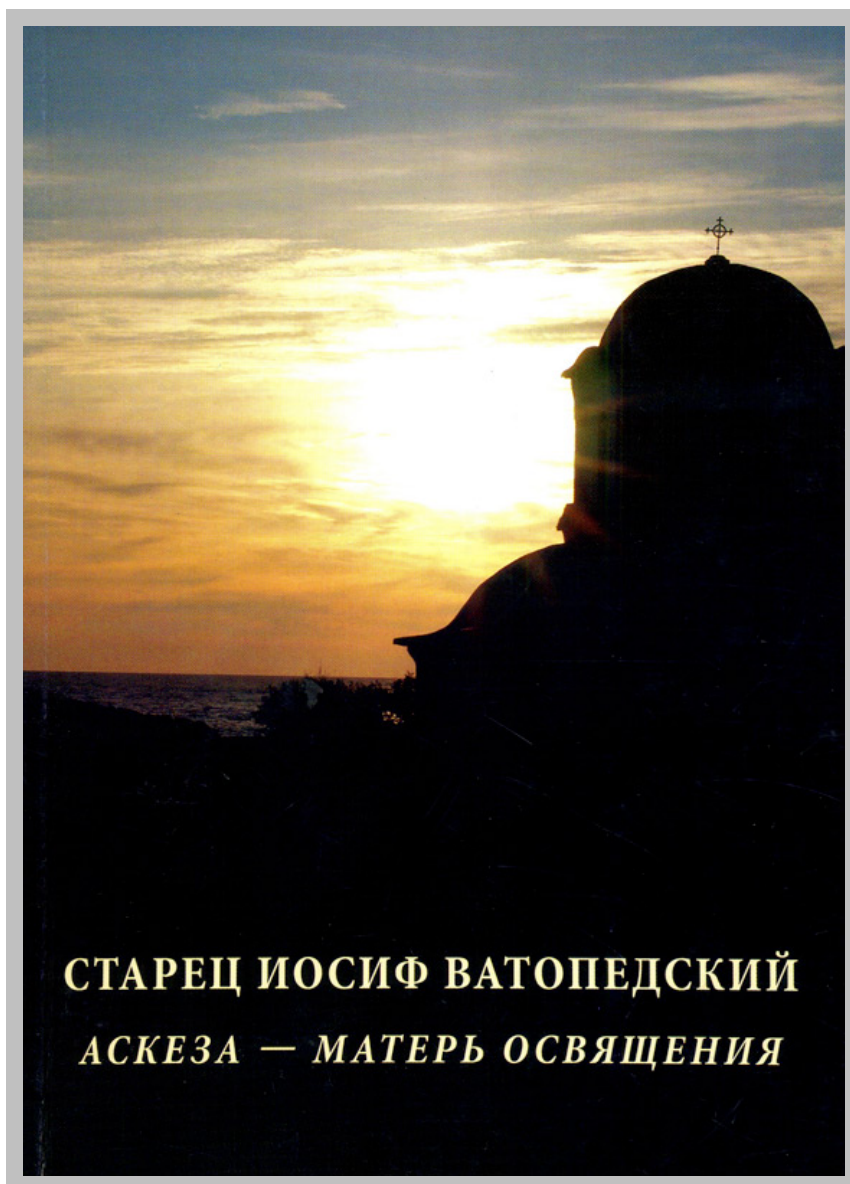

Старец Иосиф Ватопедский

Аскеза — мать Освящения

Печатается с разрешения Святой великой обители Ватопед (Св. гора Афон)

Ἀσκησις. Ἡ Μητέρα τοῦ Ἀγιασμοῦ. Ἰ. Μ. Βατοπαιδίου, 1998

Старец Иосиф Ватопедский. Аскеза — мать Освящения
Храм Софии Премудрости Божией, 2005.
Пер. с греч.: Д. А. Поспелов.

Аннотация

Краткое руководство к аскетической жизни старца схимонаха Иосифа Ватопедского (род. 1921), одного из ближайших учеников старца Иосифа Исихаста (†1959), явившегося возродителем монашества на Святой горе Афон в XX в.

Содержание

К русскому изданию

Предисловие

Необходимость подвига

Виды подвижничества *о Господе*

Молитва

Воздержание и пост

Покаяние

Право божественного сыноположения

Долг и вера как его источник

Деятельное благочестие. Законы и способы духовной войны по учению Отцов

Добродетели и страсти

Трехчастное строение души и ее исцеление

Помыслы и противостояние им

Семь телесных дел покаяния

Дела нового и ветхого человека

Делание и созерцание. Полезные речения из опыта Отцов

Память смертная и памятование о будущем

Всеобъемлющее злострадание и молитва

Предлог домостроительства

Бесцельные развлечения

Весь живот наш Христу Богу предадим

Внимание и усердие

Взаимозависимость добродетелей и пороков

Памятование о Боге

Боговидное устройство человека

Устранение причин ко греху

Изменения к худшему

Последовательное соблюдение духовного распорядка

Смирение и самоукорение

Уныние — наш коварный враг

Занятие умной молитвой в миру

Карают ли Бог человека?

К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Автор настоящей книги, старец схимонах Иосиф Ватопедский (род. 1921) — один из ближайших учеников известного афонского старца Иосифа Исихаста (†1959), явившегося возродителем монашества на Афоне в XX в.

Юноша, которому суждено было стать одним из птенцов безмолвнического гнезда Иосифа Исихаста, родился на о. Кипр. Его отец и мать были простыми крестьянами. Образование ограничивалось только первыми классами школы, но это не помешало ему впоследствии стать прекрасным знатоком и исследователем аскезы, ибо, по слову ап. Павла, *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых* (1 Кор. 1, 27).

Уже в ранней юности, в шестнадцать лет, будущий подвижник Афона принял ангельский образ в кипрской обители Ставровуни. В 1945 г., покинув родной остров, он прибывает на Святую Гору, где не сразу обретает своего духовного наставника, что свидетельствует о высоких духовных запросах будущего старца. Но подобно тому как сладкоголосая птица рано или поздно находит в бескрайних, тихих и уединенных лесах подобную себе, так и неутомимый скиталец нашел в пустыне афонской дивного *духовного соловья* безмолвия — старца Иосифа Исихаста. Словно расцветающий росистым вечером цветок, монах Иосиф воспринимает не для всех видные лучи заката солнца духовного сияния великого аскета, ибо «старец [Иосиф Исихаст] придерживался особого образа жизни и свидетелей, видевших его своими глазами и слышавших его речи, не так много»¹. Иосиф ученичеству у старца Иосифа Исихаста в течение последних 12 лет его жизни, то есть застает духовный расцвет пустыннонической маленькой общины великого подвижника.

После блаженной кончины духовного наставника Иосиф вкушает безмолвие пустыни, а с ним и духовное безмолвие — *исихию*. Позднее, следуя апостольскому речению *увещивайте друг друга и назидайте один другого* (1 Фес. 5, 11), Иосиф стал духовником монашеского братства в Новом Скиту и обители Кутлумуш. Как прекрасный цветок привлекает пчел, усердных собирательниц пыльцы, так и речи старца привлекли к себе усердных собирателей пыльцы духовной. Первым из них стал нынешний игумен священной обители Ватопед, архимандрит Ефрем, автор предисловия и инициатор настоящего издания.

Одной из важнейших заслуг старца Иосифа является прославление своего учителя, Иосифа Исихаста, о котором он немало написал.

По благословению Константинопольского патриарха Священный Кинот Святой Горы поставил старца схимонаха Иосифа восстанавливать внутреннюю жизнь и внешнее величие Ватопеда, второго (после Великой Лавры св. Афанасия) крупнейшего монастыря Святой Горы Афон.

К «ватопедскому периоду» литературной деятельности старца можно отнести не только книги *Ватопедские оглашения*² и *Афонские беседы*³, но и серию «Душеполезное чтение Ватопеда» (Ψυχωφέλη Βατοπαίδινα), в которой и была опубликована настоящая книга — *Аскеза — мать освящения*⁴. В ней с искусностью и подробностями отражены важные этапы духовной борьбы монаха и христианина вообще.

Старец подмечает не только естественные и «неестественные» (привнесенные врагом) слабости подвижающегося, но и «слабые места» противника-диавола, дабы латы гордого врага пробила острая стрела смирения, а меч любви Христовой нанес смертельный удар в самое сердце лукавого.

монах Симеон Святोगорец

¹ Монах Иосиф, *Старец Иосиф Исихаст*, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000, с. 15.

² Старец Иосиф Ватопедский, *Ватопедские оглашения*, Богородице-Сергиева пустынь, 2004.

³ Старец Иосиф Ватопедский, *Афонские беседы: ответы афонского старца на вопросы паломников*, Санкт-Петербург, 2004.

⁴ Γέροντος Ἰωσήφ Ἀσκησις ἡ μητέρα τοῦ Ἀγιασμοῦ, Ἱερά Βασιλική Πατριαρχική καί Σταυροπηγιακή Μεγίστη Μονή Βατοπαίδιου, Ἁγίου Ὄρους, 1998 (Ψυχωφέλη Βατοπαίδινα, 7).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наш век приземленности и материализма речь о подвижничестве воспринимается с трудом. Это происходит потому, что сердца наших христиан отягчились *объединением и пьянством и заботами житейскими*¹, и нам очень трудно слышать о посте, бдении, молитве и прочих лишениях и подвигах. Наш *род неверный и развращенный*² *заботится и печется о многом, кроме единого на потребу*³. Однако евангельское слово пребывает неизменным и не подстраивается под какие бы то ни было течения и тенденции той или иной эпохи. Искупительная проповедь Богочеловека Иисуса кажется чем-то несовременным и трудным для понимания на фоне нашего века автоматизации и равнодушия к духовному. Но именно в духовном — вечная истина и единственный путь богопознания.

Безразличие многих людей и их отказ следовать по пути обретения истины нас не удивляют по той причине, что и Сам Господь, когда *пришел к своим, свои Его не приняли*⁴, ибо *мир Его не познал*⁵. Лишь те, кто, вопреки всеобщему безразличию, смогли последовать *скорбным и узким путем*⁶, в новом рождении окажутся одесную Спасителя, дабы услышать: *хорошо, добрый и верный раб!*⁷ Более того, *тем, кто приняли Его, верующим во имя Его, Он дал власть быть чадами Божиими*⁸. Такие и только такие люди *ни от крови, ни от хотения мужа, но от Бога родились*⁹.

На Святой Горе мы пытаемся, насколько это возможно, противостать закону плоти и материи и осуществить закон духа. Это и есть подвижничество, которому посвящена настоящая книга — очередной труд нашего старца монаха Иосифа. Эта книга — плод более чем шестидесяти лет его подвижнической жизни во всех разнообразных ее видах, как на Афоне, так и в других местах. Нашему старцу не пришлось получить так называемого внешнего образования, даже в его наиболее простых формах. Однако же мы дерзаем о Господе хвалиться тем, что Иосиф удостоился божественного воспитания у ног святых старцев, которые пребывают ныне на небесах. Он не только многому научился у них, но и сам пережил опыт Богообщения, а на своем опыте учит и нас, неопытных и более юных.

Напряженные усилия требуются и в добровольных подвигах, и в глубоком терпении тех невзгод, что мы терпим не по нашей воле, — дабы изгладить след всего того, что мы вкусили по преступному вожелению. Лукавейший род бесов, который господствует в наш коварный век, *не может выйти иначе, как от молитвы и поста*¹⁰. Молитва, пост и прочие формы духовного упражнения — только средства, но отнюдь не цель. Они являются разве что необходимым средством для того, чтобы мы *очистили старую закваску, чтобы быть нам новым тестом*¹¹, и смогли *отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины*¹².

¹ Лк. 21, 34.

² Мф. 17, 17; Лк. 9, 41.

³ Лк. 10, 41-42*. Здесь и далее астериском (*) отмечаются те цитаты из Священного Писания, которые даются по памяти (слегка измененными или в виде аллюзий).

⁴ Ин. 1, 11*.

⁵ Ин. 1, 10.

⁶ Мф. 7, 14*.

⁷ Мф. 25, 21.

⁸ Ин. 1, 12*.

⁹ Ин. 1, 13*.

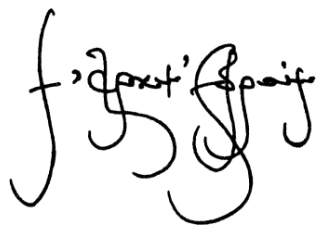
¹⁰ Мк. 9, 29.

¹¹ 1 Кор. 5, 7*.

¹² Еф. 4, 22-24*.

Главы, включенные в настоящее руководство, представляют собой, по большей части, устные беседы, записанные на пленку независимо друг от друга. Мы лишь обработали их, и поэтому в тексте неизбежны повторения. При этом мы руководствовались нормами разговорного языка (димотики), как единственно понятного для подавляющего большинства мирян.

Цель настоящего издания заключается в том, чтобы наконец и в нашу, воистину мрачную, эпоху засиял *Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир*¹, — свет, который *во тьме светит, и тьма не объяла его*². И если кто-то из наших братьев во Христе получит пользу от этой книги — а это и было нашей целью, — пусть помолится о тех, кто над ней потрудился.

*Настоятель священной и высокочтимой
великой обители Ватопед
† Архимандрит Ефрем
и собратия мои во Христе*

¹ Ин. 1, 9.

² Ин. 1, 5.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОДВИГА

Причиной и поводом к написанию всего того, что включено в эту книгу, послужили то предчувствие гибели, которое все сильнее овладевает миром, и тот вопль отчаяния, который слышен отовсюду.

Погибель, к которой неизбежно влечет человека, объясняется, несомненно, его извращенным образом мыслей, из чего следует и извращенный образ действий — а это и есть реальный опыт человеческой жизни. В Писании говорится: *Что посеет человек, то и пожнет*¹. Естественная необходимость и следствие — в том, чтобы каждое наше действие имело какой-то результат. Но любое наше действие, помимо нашей воли и произволения, может быть обусловлено и тем рабством, о котором говорит богомудрый Петр: *кто кем побежден, тот тому и раб*².

Эти богодухновенные слова апостола Петра раскрывают перед нами секрет изначальной духовной несостоятельности всех людей — людей, страдающих от неизбежности гибели. Если мы рассмотрим корни сего *поражения*³ и следующего за ним рабства, обнаружим, что таков естественный итог осуждения человека после его падения.

Ибо само Писание объясняет нам, что это злое последствие греха стало нашей постоянной язвой на всю эту временную жизнь. *И сказал Господь [Бог] в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его*⁴. После падения нами овладели малодушие и склонность ко всякому злу⁵, к тому, что безумно по определению.

Именно эту нашу беду и оплакивает апостол Павел, с горечью описывая мучение всякого смертного: *Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?*⁶ Так оно и есть. Мы обрели смертное тело вместе с телесной смертью, которую повлекло наше падение.

Чем больше скорби причиняют те пагубные последствия, что мы передаем из поколения в поколение, тем больше растет и осознание того, что их необходимо преодолеть. И сколь бы испорченной и развращенной ни казалась наша личность после падения, еще не утрачена сама основа ее силы — воля. И в самом деле, как хозяин своей воли, человек имеет право выбора в собственных суждениях. Вот почему апостол Павел напоминает нам, что *хотя все нам позволительно, но не все полезно*⁷. По нашей свободной воле мы следуем велениям разума, и в этом — абсолютная необходимость нашего предназначения. А слова *не все полезно* убеждают нас в том, что действуем мы в соответствии с какой-то целью, которой обязаны достичь.

Тем не менее *тело смерти*, которое мы стали носить после падения, так называемый *ветхий человек*⁸, с силой нам противостоит. Сам же человек, будучи смиренным и бессильным, то и дело подчиняется насилию. В седьмой главе Послания к Римлянам апостол Павел дает точнейшее описание этого несчастья: *Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю*⁹ и *нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое*¹⁰. Это определение указывает на закон искажения, который, подобно второй природе, овладевает нами, если мы не противостоям ему.

¹ Гал. 6, 7.

² 2 Пет. 2, 19.

³ 1 Кор. 10, 5*.

⁴ Быт. 8, 21.

⁵ 1 Кор. 10, 6.

⁶ Рим. 7, 24.

⁷ 1 Кор. 6, 12*.

⁸ Рим. 6, 6; Еф. 4, 22; Кол. 3, 9*.

⁹ Рим. 7, 19.

¹⁰ Рим. 7, 21.

Помимо этого закона искажения, который непрерывно дает о себе знать, есть еще и сатана, жестокий и неутомимый враг рода человеческого, который *как лев рыкающий ходит, ища, кого поглотить*¹.

Так *кто же премудр и сохранит сия и уразумеет милости Господни*² в наше время? Наиболее сильное оружие в этой битве, братья, которое позволяет увлечь *смертное жизнью*³, — это глубокое подвижничество.

Здесь, *во юдоли плачевной*⁴ нескончаемого нашего изгнания, заключен основной фактор всеобщей гибели. И человек должен быть постоянно бдителен. Именно таков смысл слов: *больше всего хранимого храни сердце твое*⁵. Ибо сердце — это сокровищница, где появляются мысли и принимаются решения⁶. Для того чтобы человек побеждал нападения врага и спасался от них, должно все время и без усталости обороняться. Подвижничество предписывается нам как необходимое средство исцеления, дабы мы могли в точности исполнить свой долг.

Итак, смысл нашего существования заключен не в бессмысленном потакании страстям — они опасны как для нашей настоящей, так и для будущей жизни, — а в борьбе с ними ради нашего спасения. Эта цель достигается в жизни разумных существ добровольным состязанием — подвигом.

Впрочем, подвижничество (аскеза) — одно из самых древних достижений человека и начинается сразу же с его уходом из рая в место изгнания. Оно стало оружием в руках человека, который почувствовал свое бессилие противостоять трудностям жизни. Но особенно упорно он предавался подвигу, чтобы достичь успеха в своих религиозных исканиях.

Вся человеческая природа в целом, уже давно поработанная законом тления и смерти, не в состоянии избавиться от насилия извращенного естества никаким иным способом, кроме духовного упражнения. Екклезиаст говорит: *Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего*⁷, и снова: *Противостаньте диаволу, и убежит от вас*⁸.

От каждого человека при его вступлении в жизнь, несомненно, требуются осознание собственного положения и стремление к осуществлению своего предназначения. Наше изначальное сотворение произошло *по образу и подобию*⁹ Творца, а возрождение во Христе доказало эту истину.

Не зря говорится, что *живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего*¹⁰ Христа. Это точно указывает на основной момент нашего предназначения. Законом человеческой природы считается нравственность. Точное свидетельство о том, что *живущие не для себя жили*, указывает нам на высший долг. Поскольку над нами всецело господствует и властвует обновивший нас Иисус Христос, мы обязаны всецело подчиняться Божественной воле, а стало быть, наказание за наше отступничество будет неизбежным и сокрушительным.

Но помимо самой ответственности за преслушание и отступничество возникает вопрос о нашем личном спасении и исцелении, а это — итог точного практического применения заповедей нашего Врача и Спасителя. Если, согласно Писанию, *душа согрешающая умрет*¹¹, — любые уста должны быть заграждены, и весь мир уже осужден у Бога. Следовательно, встает вопрос уже не о выборе или предпочтении, но о безусловном долге. Человек

¹ 1 Пет. 5, 8*.

² Пс. 106, 43*.

³ 2 Кор. 5, 4*.

⁴ Пс. 83, 7*.

⁵ Притч. 4, 23.

⁶ Мф. 15, 18-19.

⁷ Еккл. 10, 4.

⁸ Иак. 4, 7.

⁹ Быт. 1, 26*.

¹⁰ 2 Кор. 5, 15.

¹¹ Иез. 18, 20*.

поставлен перед конечным результатом. Результат этот однозначен и в полной мере отражает его произволение. Он либо становится последователем *тесного и узкого пути*¹, ведущего к жизни, к Царствию Небесному, ко всей полноте Божиих обетований, либо избирает себе *широкий и пространный путь*² который со всей определенностью ведет к гибели³. А кроме той истины, которая содержится в упомянутых словах Божественного Откровения, есть многовековая и наглядная история, которая подтверждает реальное положение дел. Так что кто имеет *уши слышать, да слышит*⁴!

Если хотя бы одно лицо, хотя бы один человек был послушником и исполнителем заповедей воплощенного Бога Слова, Спасителя, Который обновил нас, — одного этого уже достаточно было бы для того, чтобы доказать нам истину: *верен Господь во всех словах Своих*⁵. Но ведь с тех самых пор и до сего дня миллионы подвижников каждый день, час и каждое мгновение свидетельствуют об этой исключительной истине. Бесчисленное воинство борцов, героев этой победоносной битвы, долгим и неустанным подвигом достигло своей цели и настойчиво побуждает к этому нас. В наше время *кто премудр — сохранит сия и уразумеет милости Господни*⁶.

Итак, — мы вкратце разобрали вопрос о необходимости подвижничества и важности его для всей нашей общественной жизни и воспитания. Теперь же речь пойдет, в основном, о главном предмете настоящего нашего труда. Мы постараемся кратко и ясно очертить общую картину православного христианского подвижничества, ибо, как указал Господь, *одно только нам нужно*⁷.

Для нас, православных, христианином может считаться лишь тот, кто принимает Христа как совершенную Истину и Справедливость, как Единого Бога, Творца и Спасителя. Христианство — нечто единственное и исключительное, оно отвергает возможность компромисса, слияния или постепенного развития. На основании слов Самого Спасителя мы веруем, что *никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть*⁸, *никто не приходит к Отцу, как только через Меня*⁹ и *если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших*¹⁰.

Мы подчеркнули важность подвижничества как наиболее удобного средства для тех, кто подвизается и стремится достичь своей цели. Однако мы не скрываем, что и преуспевание в подвиге само по себе — не цель, а лишь одно из наиболее полезных средств. Только в благодати Божией — наш источник свободы и самого нашего воскресения. Усердие наше и стремление быть бдительными подтверждает то же, что мы уже исповедали в Таинстве Крещения: *отрекохся сатаны, и всех дел его, и всех аггел его, и всего служения его, и всея гордыни его и сочетахся Христу*¹¹. Наше предпочтение и добровольный выбор — это свидетельство свободы, присущей нам как разумным существам, и подтверждение нашего богоподобного происхождения.

Когда через веру мы приходим к богопознанию, то сразу же усваиваем свои непереносимые обязанности, исполнением которых и сможем впоследствии стать причастниками Божественных обетований. Господь наш убеждает нас, что абстрактное знание о существовании Бога вовсе не является для нас достаточным и полезным. *Не всякий, говорящий Мне «Госпо-*

¹ Ср.: Иоанн Дамаскин, *Комментарий к посланиям ап. Павла*, PG 95, 1021, 12.

² Ср.: Иоанн Златоуст, *О Лазаре* (гомилии 1-7). PG 48, 1047, 12.

³ Мф. 7,13-14; Лк. 13, 24.

⁴ Мф. 11, 15.

⁵ Пс. 144, 13*.

⁶ Пс. 106, 43*.

⁷ Лк. 10, 42.

⁸ Мф. 11, 27.

⁹ Ин. 14, 6.

¹⁰ Ин. 8, 24.

¹¹ См. последование Таинства Крещения.

ди! Господи!», войдет в Царство Небесное¹. Иными словами: к Моим обетованиям будет причастен лишь тот, кто имеет заповеди Мои и соблюдает их². «Тот, кто имеет» — значит тот, кто позаботился узнать значение и цель заповедей, а после этого он начинает соблюдать их, то есть применять их на деле. При этом Спаситель заостряет наше внимание на смысле соблюдения заповедей: *тот любит Меня*³. И подтверждает: *Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих*⁴.

Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею и ближнего твоего, как самого себя⁵. Разве в этих двух заповедях не заключается вся полнота закона? Именно ими доказывается цельность человеческой личности, а человеку предоставляется право быть наследником Бога и сонаследником Сына Божия.

Выше мы уже подчеркнули, что подвиг — это не цель, а средство, но средство необходимое и нужное для того, чтобы обрести исцеление и вернуться к цели нашего общего предназначения.

Божественное Откровение для нас — это основа здорового пути познания. Через него мы познали самих себя, окружающий нас мир и свое отношение к другим людям. Откровение — это излияние и действие Божественной благодати. Оно непогрешимо ведет нас к постижению подлинной сути вещей, в согласии с которой Творец и Промыслитель Бог, по богословному Своему замыслу, придал этим вещам их конечное предназначение.

Несомненно, падение человека повлияло на ход событий, изменило характер и темп их развития — и это было известно всемогущему Богу Слову, *Имже вся быша*⁶. Отсюда возникла необходимость в усилении со стороны страждущего человека, чтобы восстановить целостность, исцелить поврежденную природу.

И это также было некоей частью всеобъемлющей любви воплощенного Бога Слова: не насильственно действовать, не предписывать обращение падшему человеку, но собственным примером человеколюбиво указать путь такого обращения и подчеркнуть важность Божественных заповедей. После того, как Сладчайший наш Иисус *делал и учил*⁷, могут ли найти себе какое-либо оправдание человеческие дерзость и равнодушие?!

Таким образом, не только логика, но и Откровение направляют нас на путь подвижничества, предписывая его, как необходимое средство для достижения нашей цели.

Если *те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями*⁸, то уже вполне очевидно, что только с помощью подвижничества мы добьемся преуспевания. Святой апостол Павел, сам величайший подвижник, ведет нас за собой и ясно учит, что скудельное тело наше, *плоть, желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы*⁹. Таким образом, подвиг — не вопрос предпочтения или выбора, а — непременное предписание, безусловная необходимость.

Если бы мы позаимствовали нечто из достижений монашеского подвижничества, то, в сущности, не ошиблись бы, сколь бы дерзким это ни казалось. Ведь что такое монашество, как не одна из форм христианской жизни, нашедшая свое успешное применение?

Наше намерение и цель, как было показано выше, — соблюдение Христовых заповедей. Мы же, согласно словам апостола Павла, *проданные греху*¹⁰, вынуждены делать злое,

¹ Мф. 7, 21.

² Ин. 14, 21.

³ Там же.

⁴ Ин. 14, 24.

⁵ Мф. 12, 30-31*.

⁶ Никео-Цареградский Символ Веры; см. также Ин. 1, 3*.

⁷ Деян. 1, 1*.

⁸ Гал. 5, 24*.

⁹ Гал. 5, 17*.

¹⁰ Рим. 7, 14*.

*которого не хотим*¹. Какая же сила избавит нас *от тела смерти сего*²? Крайне важно и необходимо обращение к монашеской традиции аскетического опыта, поскольку сама брань, борьба за свободу, имеет множество форм и видов: как против страстей и привычек, так и *против начальств, властей и мироправителей тьмы века сего*³ и всех ее сил. Защита в этой духовной брани наиболее тщательно продумана и реализована именно в монашеском образе жизни, и потому не будет преувеличением рекомендовать его в качестве образца для жизни каждого из нас.

¹ Рим. 7, 19*.

² Рим. 7, 24*.

³ Еф. 6, 12*.

ВИДЫ ПОДВИЖНИЧЕСТВА О ГОСПОДЕ

МОЛИТВА

Как мы уже упомянули, аскеза стремится к осуществлению цели и смысла нашей христианской сущности. В деятельном подвижничестве все сводится к тому, чтобы наша воля и жизнь согласовывались с волей и жизнью Самого Спасителя и Бога. *Пребудьте во Мне, и Я в вас*¹. В этом — совершенное согласие и согласованность. Одно из самых важных условий такого согласия — молитва, которая поэтому и представляет собой вершину всех подвижнических трудов. Более того, молитва — это тот центр, из которого всякое другое действие черпает свою силу и в одобрении которого нуждается.

Господь наш, Сама Истина, говорит нам: *без Меня не можете делать ничего*². Молитва же является действенным способом нашего с Ним общения. И Он Сам призывает нас: *Просите, ищите, стучите — и отворят вам*³. Значит, никто пусть не оставляет подвига молитвы. Всякая добродетель, представляющая собой соблюдение Божиих заповедей, похвальна и полезна, однако именно молитва является тем средством, которое имеет наибольшую ценность для связи с Творцом. Богоносные отцы не зря держались за нее и настоятельно советовали нам поступать так же. Да и апостол Павел не сказал бы: *непрестанно молитесь*⁴, если бы молитва не имела такого значения.

Высказывание *без Меня не можете делать ничего*⁵ открывает всю полноту нашей немощи, из-за которой нам необходимо встретить своего Спасителя. Самым действенным способом достижения такой встречи является молитва. С ее помощью осознается необходимость монашеского отречения, к которому всегда ревностно стремились монахи. Те, кто угодил Богу во времена Ветхого Завета, Предания и Закона, также были оправданы благодаря молитве. Их молитва сопровождалась такой болью и страданием, что сделалась как бы епитимией для людей, которые желали вновь обрести то, что утратили.

По своей протяженности и способам выражения молитва может иметь много различных форм. Она меняет свою форму применительно к окружающей обстановке и нуждам. Любой человек, которому необходима забота и помощь, обращается к Богу, *Могущему спасти*⁶, и строит свою молитву исходя из того, что требуется в данный момент, будь то молебный канон, ходатайство, предстояние, прошение, исповедание, благодарение, славословие или что иное.

Однако вершина молитвы — это встреча с Богом Спасителем, а она достигается любовью. Именно такое состояние называется «чистой молитвой», и именно к нему стремятся все те, кто мужественно отрекся от мира. Такая молитва длится всю жизнь и требует большого усердия, но те, кто горит любовью к Небесному Жениху, *стремятся, не достигнут ли и они, как достиг их Он*⁷.

ВОЗДЕРЖАНИЕ И ПОСТ

После того как отведала Ева от древа преслушания, тайно вошла пагуба. Вот где корни нашего отпадения, отлучения от жизни. И где же взять противоядие? Его тотчас дарует нам воздержание — необходимая узда для нашей изначально падшей природы. Поэтому премуд-

¹ Ин. 15, 4.

² Ин. 15, 5.

³ Мф. 7, 7*.

⁴ 1 Фес. 5, 17.

⁵ Ин. 15, 5.

⁶ Евр. 5, 7.

⁷ Флп. 3, 12*.

рый учитель Павел разъясняет: *Все подвижники воздерживаются от всего*¹ и: *усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным*². Это свидетельство — самый показательный пример воинственности духа, столь характерной для того, чья жизнь проходит в подвиге. Если мы желаем исполнить свое главное предназначение, не будем отступать ни на шаг от того подвига, который себе наметили. *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*³. Побежим так, чтобы достичь цели⁴. Будем всегда иметь в виду следующее высказывание: *чтобы достигнуть воскресения мертвых*⁵ — надлежит никому и ни в чем не полагать преткновения, чтобы не было порицаемо служение⁶.

По этой причине наш Наставник и Спаситель Иисус заложил основы аскетического жития, когда удалился в пустыню после крещения в реке Иордан. Там он избрал пост в качестве первого шага к нашему выздоровлению. *И поведен был Духом в пустыню*⁷, и ничего не ел в эти дни⁸.

Уже во времена Закона Моисеева воздержание и пост в любого рода подвижничестве стояли на первом месте. К посту прибегали в тех или иных случаях все праведники и пророки и вообще все, у кого было желание познать Божественную волю, или избавиться от опасностей и злоключений, или, самое главное, достигнуть милости Божией, прощения грехов и примирения с Богом.

Источник общечеловеческой несостоятельности и предательства кроется в самолюбии. Это одна из наиболее ужасных страстей, и через сластолюбие она порождает и дает силу всему, что безумно и развратно. Не существует другого средства от этих страстей, кроме воздержания и поста. Такова причина, по которой значительная часть христианского подвига приходится на эти две добродетели. Согласно отцам Церкви, это первая ступень духовной брани.

Все, кто желает освободиться от власти ветхого человека и от всей совокупности порока, должны хранить воздержание и пост как свое единственное спасение и сочетать с ними молитву. Неисчислимы примеры подвижников, которые на протяжении веков с помощью этих средств смогли легко достичь той цели, которую преследовали.

Вот неложное свидетельство великого воина этой священной брани — пророка Давида, который призывает нас сражаться до победного конца: *Колено моя изнемогост от поста, и плоть моя изменися елеа ради*⁹. Вместе с постом он предлагает нам и другие способы самоотверженного умерщвления плоти. Все они бичуют смертоносное сластолюбие. *Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих*¹⁰. Ужасы жизни и смерть рождены любовью к удовольствиям и самолюбием, которые человек избрал после падения. Упразднение же этих основных причин тления и смерти — в их прямой противоположности: в самоотверженности. Это и называют «крестом», а также *тесным и узким путем, ведущим в жизнь*¹¹.

Наш Спаситель и Искупитель желал показать, насколько важно исцелить, упразднить причину тления и смерти. Для этого Он Сам исполнил заповеди и Сам, пребывая с нами во время Своего уничижения, научил нас деятельному пути совершенствования. Так разве не очевидно то, насколько аскеза стала правилом и основным принципом жизни?

¹ 1 Кор. 9, 25.

² 1 Кор. 9, 27.

³ Мф. 5, 8.

⁴ 1 Кор. 9, 24.

⁵ Флп. 3, 11*.

⁶ 2 Кор. 6, 3*.

⁷ Лк. 4, 1.

⁸ Лк. 4, 2.

⁹ Пс. 108, 24.

¹⁰ Прем. 1, 13.

¹¹ Мф. 7, 14*.

Сущность природы нашей двойственна, двойственна и брань подвижника. С одной стороны, воздержание телесное, биологическое, а с другой — нравственное и духовное. Необходимо не только физическое воздержание с отказом от всего, на что указала Церковь, но и воздержание во всех остальных наших чувствах, которые могут причинить вред. *Смотрящий с возделением*¹ уже согрешил. Когда человека увлекают вкусовые ощущения, он пресекает это воздержанием. Так же надо поступать и с остальными чувствами, чтобы не впасть в безумие. Сколько мы встречаем в истории примеров людей, которые, оставив без внимания свой взор, были увлечены грехом и пагубными страстями! Сколь многие войны и общественные нестроения это повлекло!

Но здесь мы рассмотрели пользу аскезы с точки зрения человеческой страстности. Само устройство ветхого человека доставляет неприятности его близким, поэтому тот, кто это понимает, будет соответствующим образом бороться и избавиться от своей «ветхости». Однако основополагающая ценность аскезы заключается в изменении характера, стяжании добродетелей, совершенствовании человеческой личности, дабы восполнить образ Божий Его подобием и достигнуть прямого предназначения человека.

Подлинным искателям этого совершенства не понадобится далеко ходить за примерами, если только они всмотрятся в жизнь и пример Избавителя и Спасителя нашего Иисуса Христа. Помимо самого подробного описания Его жизни, преисполненной добродетелей, они обретут там Его благословение за то, что стали смело подражать Ему. Это подчеркивает и апостол Павел, стяжавший такое благословение: *Будьте подражателями мне, как я Христу*². А сколько подвижников после Павла постарались воплотить в себе образ Христа!

Позволим себе подробнее рассказать о такого рода подвиге, чтобы он стал более понятным. Особенно это относится к тем, кого удивляет настойчивость и ревность, с которой люди подвизаются во Христе на более высоких ступенях подвижничества.

Грех первозданных людей был двояким, двоякой была и вина. Нарушением заповеди они отвергли истинность суждения Творца, а это на деле привело к нарушению запрета. Человек осквернил свою душевную красоту и чистоту преслушанием, поскольку пренебрег Божественной волей, велением Божиим. В то же время он, вкусив запретное, извратил и чувственную часть своей сущности.

С того времени наша многострадальная природа лишена свободы собственной воли, но страстное начало насильно увлекает ее.

*Грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею*³. *Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю*⁴. *Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу: доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю*⁵, так что по внутреннему человеку нахожу удовольствие в Законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих⁶.

Точное и детальное описание, принадлежащее Павлу, открывает во всей глубине искажения, что были порождены преслушанием и падением. Те, кто хочет избавиться от смертного приговора и возвратиться к благим и Божественным обетованиям Спасителя нашего Христа, могут достичь этой цели только в самоотверженном подвиге.

Мы сказали о том, что наше падение и порабощение закону тленности было двояким. Поэтому и брань наша имеет две стороны: как телесную, плотскую — так и духовную. *Ибо*

¹ Мф. 5, 28*.

² 1 Кор. 11, 1.

³ Рим. 7, 11.

⁴ Рим. 7, 15.

⁵ Рим. 7, 18-19.

⁶ Рим. 7, 22-23.

*живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир*¹.

Сотворение тела предшествовало сотворению души. По этой причине телесные подвиги — то, что называют «деятельным» подвижничеством, — предшествуют «созерцанию». Исходя из этого различия все жившие до сих пор подвижники начинали с деятельной формы благочестия, с дел телесных.

В телесной деятельности участвуют чувства, от которых зависит и на которых зиждется наше биологическое существование. Мы полностью зависим от наших телесных ощущений и гораздо легче уступаем их возбуждению, ибо с чувствами связана вся наша жизнь. Об этом знает и коварнейший наш враг диавол, который нападает на нас прежде всего в области ощущений. Он втирается в доверие, ссылаясь на важность жизни, здоровья или даже пресловутого «утешения», без которых нам невозможно жить. Под предлогом таких вещей, как жизнь и здоровье, он убеждает делать уступки, якобы необходимые с точки зрения домостроительства. И приманка врага достигает своей цели, особенно если человек слаб по своему естеству и характеру.

Известно, что наш враг диавол, который воюет с нами неусыпно и неустанно, не может увлечь нас напрямую, без помощи каких-либо уловок. Следовательно, должно быть внимательным к различным обстоятельствам нашей жизни и общения. И здесь богомудрые отцы продемонстрировали весь свой талант и внимание, так что сумели свести на нет почти все средства и ухищрения лукавого. В церковном песнопении описывается первопричина нашего осуждения: *Чрез вкушение вывел враг Адама из рая*². Потребность в принятии пищи, без которой невозможна жизнь, заключает в себе приманку врага. Однако все те, которые Христовы, *распяли плоть со страстями и похотями*³, твердо и мужественно противостояли врагу и избежали его козней.

Наши отважные предшественники во главу всего подвига ставили глубокую самоотверженность. Они облеклись в нее, словно в броню, и даже при всей скудости своей пищи соблюдали строжайший пост — поэтому враг ничем не мог их соблазнить. Так они избежали риска впасть в сладострастие, а в сладострастии заключено все неистовство самолюбия и сластолюбия, каковое пленяет свои жертвы благовидными предложениями. Поскольку наша природа связана с материей и теми вещами, в которых присутствует наслаждение, всегда есть опасность соскользнуть в сладострастие, а от него очень трудно избавиться.

Великие отцы произвели разделение между двумя началами, двумя причинами, которые господствуют над нашим естеством. Эти начала во многом сходны друг с другом, но отстоят одна от другой, *елико востоцы от запад*⁴. Одна из этих причин называется потребностью, а другая — похотью. Если не провести различия между ними, они так и будут господствовать над человеческой личностью.

Первая из них, потребность, — это то элементарное, что необходимо для поддержания нашего естества. Тот, кто подвизается, может ослабить эту потребность как в количественном, так и в качественном отношении, но упразднить ее невозможно. Все, кто следовал правилу быть непритязательным и умеренным, обезвредили врага, нападавшего на них и вторгавшегося под прикрытием похоти, возбуждая страсти, сей источник поражения и предательства.

Вторая же, похоть, если находит для себя почву, порабощает себе свободу, волю и всю человеческую личность. Она портит и извращает человеческую природу. Тогда человек, как говорят в народе, не ест, чтобы жить, а живет, чтобы есть, или, скорее, чтобы расточать и губить.

¹ Рим. 8, 5-6.

² См. «Блаженны» 1 гласа.

³ Гал. 5, 24.

⁴ Пс. 102, 12*.

Вкушая пищу, настоящие подвижники избегали злоупотреблять своими вожделениями. Также надлежит поступать и с остальными жизненными потребностями, дабы Господь наш, согласно Своему обещанию, назвал нас *верными домоправителями*¹ и удостоил блаженства. Мы обязаны искупить свое прежнее отречение искренним исповеданием. Это исповедание заключается в том, чтобы бдительно избегать пресыщения, к которому необоримо стремится похоть. Бессмысленность стремления к вожделению всегда очевидна — особенно в наше время и в современном обществе, где преступлены все границы и барьеры, вплоть до того, что ставятся под угрозу здоровье и жизнь людей. А тот экономический разбой, что у нас сейчас перед глазами, нарушает даже изначальную гармонию в самой природе и потрясает основы социальной жизни на международном уровне.

ПОКАЯНИЕ

На истории падшего человечества лежит печать двойного отречения: во-первых — от своего Бога и Творца, во-вторых — от себя самого и своей природы.

Нет иного пути, чтобы спастись, кроме искреннего раскаяния в том и другом, и тогда мы вновь обретем утраченное. Как возвращение к Богу и подчинение Ему, так и повиновение природным законам и правилам требуют строгого и сурового подвига. Превратное воспитание навязало нам власть абсурда, словно нашу вторую природу. Освободиться от подчинения ей невозможно без борьбы и подвига. Вот почему предначертанный отцами путь и, в частности, строгий подвиг для нас обязательны.

Один из образов восстающей человеческой природы дается пророком Давидом: *человек, в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им*². Вот она, крайняя степень развращения! И если человек не будет всеми силами бороться с привычным для него состоянием падения, он умрет двойной смертью. А суровый аскетический путь святых отцов обеспечивает успех и возрождение нашего естества от той гибели, которую повлек наш добровольный отказ от Божественной воли.

Однако помимо природных законов долга в нашей разумной природе заложена и иная потребность — подражание жизни нашего Спасителя. После падения наша природа претерпела глубокие искажения. Каждый шаг исполненной добродетелей жизни Господа был совершен для нас, чтобы мы на деле познали свой долг. Для того, чтобы исцелить душу, требуется обращение к Богу, а долг любви побуждает к этому еще более.

Именно на нас лежит полная ответственность, и мы должны сознавать свой долг. И все-таки из долгого опыта жизни во Христе становится видно, что Бог и Спаситель обращается с нами так, как если бы мы были равными Ему. Это служит свидетельством того, что Он не вынуждает подчиняться насильственно. Сам Господь говорит: *где Я, там и слуга Мой будет*³, имея в виду, что слуга последует за Ним до конца, поднявши крест Его⁴. Так будет с теми, кто воспринимает спасение не просто как переход в какое-нибудь более счастливое место, но как «обожение». Однако достижение этой цели полностью зависит от нашего поведения в настоящей жизни.

В Евангелии Бог Отец неоднократно свидетельствует, что Христос является Его возлюбленным Сыном. Однако и Христос говорит, что все, кто исполняет волю Отца, любимы Им настолько же, насколько и Сын Его. *Не о них же только* [то есть об Апостолах] *молю, но и о верующих в Меня по слову их*⁵; *и славу, которую Ты дал Мне, Я дал им*⁶: *да познает мир, что Ты возлюбил их, как возлюбил Меня*⁷. Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы

¹ Лк. 12, 42*.

² Пс. 48,13.

³ Ин. 12, 26.

⁴ Мф. 16, 24*.

⁵ Ин. 17, 20.

⁶ Ин. 17, 22.

⁷ Ин. 17, 23*.

там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою¹; и Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них².

Это признание, подобного которому никогда на протяжении всей человеческой истории не прозвучало из сотворенных уст, само по себе является достаточным доказательством, что создателем сего великого чуда и в самом деле является один только Бог, так что всякое другое исследование и свидетельство излишни. Для нашего времени особенно характерны недооценка и искажение Божественного Откровения о человеческом бытии и его конечном предназначении. Незнание цели мешает постичь саму важность этой цели и достигнуть ее. А чтобы человек мог достичь своей цели, ему особенно требуется осторожность и трезвость: ведь вместе с самим человеком обновляется и вся тварная природа, которая покорилась некогда тлению. Согласно слову Господню, *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?*³ И действительно: *весь мир лежит во зле⁴*. Зло заключается в порабощении человека греху. Возвращение человека от полного искажения природы к ее первоначальному состоянию, и более того — к изобилию благодати, вся Божественная жизнь, преображение и обожение, ставшие возможными благодаря воплощению Слова Божия, достигается только во взаимодействии двух существ: Бога и человека.

Здесь мы еще раз напомним для тех, кто желает это знать, что без главного средства — аскезы — ничего этого достичь невозможно. Ведь Божественная реальность никогда не препятствует сему достижению. Он *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины⁵*. Препятствие представляет лишь реальность падшей человеческой природы, и исцелить ее можно лишь упорным подвигом. Вот почему после прекращения гонений Церковь положила начало бегству от мира и отшельничеству. Немоощный и склонный к пороку человек не мог добиться успеха в продолжительной и непрерывной борьбе с грехом, пока этому препятствовали внешние причины, и предпочел решить проблему путем отсечения таковых причин.

Тем, кто желает подвизаться и получить венцы, Господь наш постоянно напоминает о той высоте, на которую нас возводит дар Христов. Это открывает нам и Его заповедь: *итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный⁶ и: будьте святы, потому что Я свят⁷*. Целью является избавление, свобода от смертности и обретение Божественных обетований. Во все времена подвижники и ревнители преестественных таинств всей душой любили то глубокое самопожертвование, в котором кроется смысл Креста. Поэтому они и стяжали воскресение и сыноположение, в которых заключается вся полнота Божественных даров.

¹ Ин. 17, 24.

² Ин. 17, 26.

³ Мф. 16, 26.

⁴ 1 Ин. 5, 19.

⁵ 1 Тим. 2, 4.

⁶ Мф. 5, 48.

⁷ . Лев. 11, 44; 19,2; 20, 7*; 1 Пет. 1, 16.

ПРАВО БОЖЕСТВЕННОГО СЫНОПОЛОЖЕНИЯ

*Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет*¹. Через Свое воплощение Бог Слово стал и Сыном Человеческим, единосущным нам. Все то, что исполнилось в Его земной жизни, должно быть осуществлено применительно ко всему роду человеческому. Если во Иисусе Христе, по словам апостола Павла, *обитает вся полнота Божества телесно*² и Он Сам является мерой всего, то надлежит согласиться, что все, утверждаемое нами относительно человечества Христа, свидетельствует о полноте возможностей нашей собственной природы. Стало быть, справедливо и истинно написано, что *тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими*³. В нас, которым Он должен был во всем *уподобиться*⁴, хотя и был по сущности Богом, Христос не умаляет способности следовать Его примеру. Он говорит: *Держайте, Я победил мир*⁵. Какой «мир»? Здесь подразумевается то его состояние, которое *лежит во зле*, закон повреждения, ветхий человек, и все, что приводит к тлению и смерти. Мир был побежден не волшебством или одной лишь Божественной властью, без участия человеческой воли. Он присно побеждается добровольной борьбой, противостоянием злу. Сперва должна проявиться наша собственная воля, и уже потом — действие благодати. *Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил, и сел с Отцем Моим на престоле Его*⁶. Важна наша собственная твердость в подвиге. *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить. Противостойте ему*⁷. Но современный человек поверг себя во мрак безначалия и отказался от всякой попытки противостоять падению. Даже свою обязанность бежать от греха он рассматривает как посягательство на свою свободу, и именно поэтому торжествует враг наш диавол!

Есть строгое мерило для жизни каждого человека — преисполненная добродетелей жизнь Спасителя, и тем самым *загораются всякие уста, и весь мир становится виновен перед Богом*⁸. Добровольное нарушение человеком Божественной воли имело своим следствием отпадение от Бога. Человек виновен вдвойне: перед естественными законами человеческого существования, которое с момента своего возникновения зависит от Первопричины нашего бытия, и перед Богом — нашим Отцом и Создателем, Которого мы оскорбили и Которым пренебрегли.

Это двойное преступление произошло по собственной воле человека, без всякого принуждения. И преступнику надлежало самому на деле доказать свое исправление. Однако человеколюбивое домостроительство нашего Спасителя Христа смягчило горечь справедливого приговора. Он взял на Себя бремя ответственности и, в изъявление полной покорности, вочеловечился, а тем самым обратил подневольный труд в добровольное подражание Его всеблаговому житию. *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!*⁹

Для человека, желающего приблизиться к условиям и путям своего воскресения, необходимым средством служит правая и здравая вера в Бога. Входом в такую веру стало явление Бога, Который открывается в любви Своей.

Уже прежде Своего воплощения Бог Слово являлся среди Своих верных рабов, праведников и пророков, пользуясь символическими образами и действиями. Однако *когда*

¹ Ин. 12, 26.

² Кол. 2, 9.

³ Ин. 1, 12*.

⁴ Евр. 2, 17

⁵ Ин. 16, 33*.

⁶ Откр. 3, 21.

⁷ 1 Пет. 5, 8-9.

⁸ Рим. 3, 19.

⁹ Рим. 11, 33.

пришла полнота времени¹, Он явно и дерзновенно поселился вместе с нами, чтобы на деле научить необходимой истине. Более того, соблюдение Его Заповедей стало долгом всякого человека. Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах². Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа³. А нам Бог открыл это Духом Своим⁴. О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, и что осязали руки наши, о Слове жизни⁵. Мы представили эти свидетельства из Священного Писания, дабы подтвердить истинность откровения, которое, таким образом, заслуживает полного доверия. Итак, не существует иного пути к Божественному познанию, кроме строгого исполнения всего того, что заповедал нам Христос, как единый Спаситель мира.

¹ Гал. 4, 4; Еф. 1. 10*.

² Мф. 16, 16-17.

³ Гал. 1, 11-12.

⁴ 1 Кор. 2, 10.

⁵ 1 Ин. 1, 1*.

ДОЛГ И ВЕРА КАК ЕГО ИСТОЧНИК

После того как с верой в Бога мы узнали наш действительный долг, от нас требуется повиновение ради того, чтобы обеспечить исполнение обетования. *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня¹, и не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное²*. Вера — это не просто какое-то знание, но непременный и настоящий долг. *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем³, ибо ищу не Моей воли, но воли пославшего Меня Отца⁴, и найдете покой душам вашим⁵*.

Из Откровения мы узнали о нашем происхождении и благодаря явлению Спасителя на деле убедились в боговидном характере нашей природы, а также в том, что Он извлек нас из бездн тления и смерти. После этого нам остается место уже не для поиска, но для абсолютного подчинения и зависимости. С их помощью Божественная благодать, которую мы утратили вместе с преслушанием и падением и которая вернулась с явлением нашего Спасителя, должна вернуть нас к равновесию, воскресению и жизни. И тогда Господь всем тем, кто примет Его, даст свободу быть чадами Божиими⁶. Не тем, кто только послушал Христа, но тем, *кто принял Его⁷*, то есть поверил Ему, подражал Ему, возлюбил Его.

Бесчисленное воинство учеников Христовых, которое без колебания следует с тех времен до сегодняшнего дня за Священнейшим Образцом, строго соблюдает оба условия послушания. Благодаря этому они успешно продвигаются вперед, к награде, а истина Господня не перестает подтверждаться и теперь, а не только «во время оно». Два условия, о которых мы упоминаем в согласии с учением отцов, суть делание и созерцание.

В деятельной разновидности борьбы и брани каждый человек прежде всего противится страстям и навыкам, а в качестве противного им средства прибегает к возделыванию добродетелей. В постоянстве деятельного подвижничества находит свою полноту исповедание здорового состояния верного христианина, который отрекается во всем от диавола и сочетается со Христом⁸. Тогда, подобно доброй матери, Божественная благодать освобождает человека от древнего рабства закону искажения и вводит его в границы и смысл *нового человека, по Христу сотворенного⁹*. После этого человек становится *чистым сердцем¹⁰*. Тогда свое служение завершает делание, и место его занимает созерцание. *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят¹¹*, и не только узрят, но и достигнут Его, наслаются Им и возвеселятся, и никто не сможет взять у них радости их¹².

Об этих-то обязанностях и пойдет речь в дальнейшем. Как творение началось с создания тела, так и в жизни — телесная деятельность всегда идет на первом месте. Вот почему и в страстной части души выступают на первый план чувственные грехи и страсти, которые обслуживаются чувствами, поддерживающими наше биологическое существование. Там, где наличествуют *пропитание и одежда¹³* и все, что, согласно Павлу, связано с поддержанием жизни, — чувства, угнетаемые противоестественным влечением, склоняются перед злоупот-

¹ Ин. 14, 21.

² Мф. 7, 21.

³ Мф. 11, 29.

⁴ Ин. 5, 30*.

⁵ Мф. 11, 29.

⁶ Ин. 1, 12*.

⁷ Там же.

⁸ См. последование Таинства Крещения.

⁹ Еф. 4, 24*.

¹⁰ Мф. 5, 8*.

¹¹ Мф. 5, 8.

¹² Ин. 16, 22*.

¹³ 1 Тим. 6, 8*.

реблениями. Таким образом формируются страсти и «противоестественные» состояния. В них заключается извращение, *ветхий человек*¹, *тело смерти*².

В этом чудовищном искажении для себя находит зацепки «древний змий». Здесь Бог повелел ему влачить свое существование после обольщения первозданного человека. Именно таков переносный смысл изречения *будешь есть прах во все дни жизни твоей*³. Неусыпно следя за основными законами и требованиями нашего самосохранения, враг неустанно заставляет каждое физиологическое явление способствовать неумеренности или недостатку. Он нарушает всякое равновесие и порядок в нашей жизни, как частной, так и общественной, и подстрекает нас к отступлению от долга и восстанию против самих себя и против нашего Творца, Бога. Это состояние и оплакивает Павел, говорящий: *Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?*⁴ Итак, аскеза представляет собой нечто необходимое и отнюдь не является элементом несвободы.

Господь подчеркивает значение постоянной готовности, говоря: *Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи*⁵. Апостол Павел побуждает нас облечься во всеоружие благодати, как отчасти, так и полностью, дабы смогли мы противостоять в день битвы *и все преодолев, устоять*⁶.

Пример Господа нашего, Который после крещения вышел *в пустыню, для искушения от диавола*⁷, положил начало торжеству нашей смиренной природы над злом, грехом и смертью. С тех пор бесчисленное множество героев и подвижников презирают лукавого и его орудия воздействия, возвращая человеческую природу, согласно «совету предвечному», в объятия Отеческие.

¹ Рим. 6, 6*.

² Рим. 7, 24*.

³ Быт. 3, 14.

⁴ Рим. 7, 24.

⁵ Лк. 12, 35.

⁶ Еф. 6, 13.

⁷ Мф. 4, 1.

ДЕЯТЕЛЬНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ. ЗАКОНЫ И СПОСОБЫ ДУХОВНОЙ ВОЙНЫ ПО УЧЕНИЮ ОТЦОВ

Имея в виду духовный опыт отцов, мы попытаемся здесь кратко и конспективно осветить виды составляющих и средств, находящихся применение в духовной войне и сражении во время законного подвижничества¹.

ДОБРОДЕТЕЛИ И СТРАСТИ

Святой Иоанн Дамаскин в своем слове «О добродетелях и страстях»² вводит нас в суть дела в следующих словах:

Надобно знать, что поелику человек двойствен, то есть состоит из тела и души, то и чувства имеет двоякие. Есть пять чувств душевных и пять чувств телесных. Душевные у мудрецов называются силами души, и суть следующие: ум, разум, мнение, воображение и чувствование; телесные же чувства суть: зрение, обоняние, слух, вкус, осязание. Отсюда происходят двоякие добродетели и двоякие пороки. И всякому человеку весьма необходимо знать в ясности, какие есть добродетели душевные и какие добродетели телесные, а также какие душевные и какие телесные страсти.

О душевных добродетелях утверждаем, что существуют главным образом четыре родовые добродетели, а именно: мужество, благоразумие, целомудрие, справедливость. От них же рождаются следующие душевные добродетели: вера, надежда, любовь, молитва, смирение, кротость, великодушие, терпение, доброта, негневливость, боговедение³ и вообще все, из чего складывается нравственность и добродетельное житие.

Телесные же добродетели, о которых вернее можно сказать, что они ведением по Богу обращаются в орудия добродетелей и, если чужды всякого лицемерия и человекоугодия, возводят человека к преуспеянию в смирении и бесстрастии, суть следующие: воздержание, пост, голод, жажда, бдение, всенощное стояние, коленопреклонение, сухоядение, нищета, нестяжательность, безмолвие⁴ и все, что способствует укрощению натиска телесного бесчиния. Однако там, где аскезе препятствует телесная немощь, они восполняются смирением и благодарением.

Теперь необходимо сказать о душевных и телесных пороках, то есть страстях, искоренение которых является целью для нашей аскезы. Душевные страсти суть: забвение, ленность и неведение, называемые «исполинами страстей». Сими тремя страстями омрачаемое око душевное, то есть ум, подпадает господству прочих страстей, каковы суть: нечестие, неправоверие, то есть всякая ересь, хула, раздражительность, гнев, досада, вспыльчивость, человеконенавистничество, памятозлобие, клевета, осуждение, неразумная печаль, страх, боязнь, раздор, ревность, зависть, тщеславие, гордость, лицемерие, ложь, неверие и вся совокупность душевной испорченности, которая обезображивает человеческую личность и является одним из видов одержимости.

Телесные же страсти, — и если мы назовем их постыдными делами, ничуть не ошибемся, — суть: чревоугодие, прожорство, роскошь, пьянство, тайноядение, разные роды сластолюбия, блуд, прелюбодеяние, распутство, нечистота, кровосмешение, деторастление, скотоложство, худые пожелания и всякие противоестественные и постыдные страсти, воровство, святотатство, разбой, убийство и любой другой плотский порок; жизнь плотоугодная, одебеливающая ум, делающая его оземленившимся и скотоподобным и никак

¹ 2 Тим. 2, 5.

² В русском Добротолюбии это слово помещено под именем св. Ефрема Сирина. Далее мы цитируем его по изданию: Добротолюбие в русском переводе, дополненное, т. 2, Москва, 1895.

³ См. Добротолюбие, т. 2, с. 369.

⁴ См. Добротолюбие, т. 2, с. 370.

не допускающая возвести взор к Богу и к делам добродетелей. Корнем же всех зол и, как сказал бы иной, первую причиною служат сластолюбие, славолубие и сребролюбие, от которых рождается все худое.

Но человек не грешит ни одним грехом, если наперед не превозмогут его и не возобладают над ним сильные сии исполины, то есть забвение, лень и неведение. Их же рождает сластолюбивая и покойная жизнь, привязанность к людской славе и развлечению. А первоначальная причина, и самая негодная матерь всему этому есть самолюбие, то есть неразумная привязанность и страстная приверженность к телу.

Сверх того надобно знать, что обратившееся в страсть славолубие весьма разнообразно, и много имеет видов, от которых с трудом избавляется даже неутомимый подвижник.

Ибо отовсюду представляются тысячи удовольствий, привлекающих к себе душевные очи¹, причем все нападения, которым подвергаются страсти, душевные и плотские пристрастия, сливаются воедино. Тогда закон противоестественного берет верх, и горе той душе, в которой увял страх Божий и любовь к Богу, от коей и происходит прилежание в добродетелях. А если из-за сонной нерадивости они отсутствуют, привязанность к земному поработывает человека через постыдные наслаждения, и всякое равновесие нарушается. И если таковое состояние нерадения возобладает, тогда, увы, рождается привычка, обладающая силой второй природы и ведущая к смерти.

ТРЕХЧАСТНОЕ СТРОЕНИЕ ДУШИ И ЕЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Для того чтобы мы обладали точным знанием о наклонностях страстей, божественные отцы изложили со всей ясностью учение о трехчастности души.

Душа делится трехсоставно: на силу мысленную, раздражительную и вождельтельную.

И грехи мысленной силы суть следующие: неверие, ересь, неблагоразумие, хула, неразборчивость, неблагодарность и соизволения на грехи, происходящие от страстной силы в душе. К уврачеванию же и исцелению от сих грехов служат несомненная вера в Бога, истинные и непогрешительные догматы, постоянное изучение словес Духа, чистая молитва, непрестанное благодарение Богу.

Грехи раздражительной силы суть следующие: жестокосердие, ненависть, несострадательность, злопамятство, зависть, убийство и тому подобные, от которых исчезает мысль о любви. К уврачеванию же и исцелению от сих грехов служат человеколюбие, любовь, кротость, братолюбие, сострадание, терпеливость и доброта.

Грехи вождельтельной силы суть следующие: чревоугодие, прожорство, пьянство, блуд, прелюбодеяние, нечистота, распутство, корыстолюбие, вожделение пустой славы, золота, богатства и плотских удовольствий. К уврачеванию же и исцелению от оных служат — пост, воздержание, злострадание, нестяжательность, расточение денег на бедных, стремление к будущим благам, желание Царствия Божия, вожделение всыновления².

ПОМЫСЛЫ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИМ

Скажу теперь и о страстных помыслах, которыми приводится в исполнение всякий грех.

Всех порочных помыслов восемь: чревоугодия, блуда, сребролюбия, гнева, печали, уныния, тщеславия, гордости. Чтобы все сии помыслы тревожили или не тревожили нас, это не в нашей воле; но чтобы они пребывали или не пребывали в нас и возбуждали или не возбуждали страсти, это в нашей воле. Если мы, не противоборствуя помыслам, вступили

¹ См. Добротолюбие, т. 2, с. 371-372.

² См. Добротолюбие, т. 2, с. 373.

с ними в собеседование, поскольку они нам понравились, или же если они обрели власть над нами, причина этого только в нашем снисхождении к ним.

Средством их нападения на нас и общения с нами, или же дверью, через которую они входят, является ум. Но иное дело — *приражение*, иное — *сдружение*, иное — *страсть*, иное — *борьба*, иное — *соизволение*, *приближающееся к делу и уподобляющееся оному*, иное — *самодетельность*, иное — *пленение*.

Приражение есть простое напоминание, делаемое врагом, например: «сделай то и то». И это, как сказано, не в нашей воле.

Сдружение же есть принятие помысла, внушаемого врагом, и как бы занятие ими с удовольствием соединенное собеседование с ним, происходящее по нашему произволению.

Страсть есть вследствие сдружения образовавшийся навик к помыслу, внушаемому врагом, и как бы постоянное о нем помышление и мечтание.

Борьба есть взаимное противление помысла и ума, клонящееся или к истреблению страсти в помысле, или к соизволению на страстный помысел.

Пленение есть принужденное, невольное увлечение сердца, преобладаемого предубеждением и долговременною привычкою.

Соизволение есть изъявление в помысле согласия на страсть, а самодетельность — самое действие по соизволению страстного помысла.

Если мы распределим соответствующие действия по трем частям души, то есть, как было сказано, мыслительной, раздражительной и желательной, человек твердо встанет на ноги, излечится и станет причастником Божественных обетований. В этом смысл нашего предназначения.

Поскольку действие привычки господствует и главенствует в лукавом и неразумном, давайте используем его для того, чтобы привычка поддержала нас в благотворительности и благодетии, так чтобы нам было настолько легче соблюдать заповеди, насколько она облегчает тяжесть состязания. Из всеобъемлющего опыта отцов мы знаем, что боящийся или, скорее, верующий в Бога боится адских мук. Тот, кто боится ада, соблюдает заповеди, соблюдающий же заповеди претерпевает скорби. А тот, кто претерпевает скорби, приобретает упование на Бога, и это упование удаляет ум его от всякого бесцельного стремления. Если же ум разлучится с таковым стремлением, он стяжает любовь Божию.

Условием и путем ко стяжанию безгрешности, по словам величайшего из подвижников, святого Арсения, является безмолвие. Сам он, умоляя Бога указать ему верный путь спасения, услышал от Него следующее:

Арсений, убегай от людей, молчи, безмолвствуй, ибо это — корни безгрешности. Посредством таковых человек приходит к осознанию человеческой негодности, а в этом и состоит смиренномудрие. С другой стороны, оно является порождением ведения, а ведение — порождением искушений.

СЕМЬ ТЕЛЕСНЫХ ДЕЛ ПОКАЯНИЯ

В учении отцов о *дейтельном* благочестии, которое мы ныне рассматриваем, упоминаются семь телесных деланий, на которых основываются образы и дела покаяния.

На первое место среди дел покаяния отцы помещают *исихию*, то есть умение держать себя сосредоточенно. Безмолвие (*исихия*) есть не только удаление от причин, которые создают возможность падения и поражения (в особенности для тех, кто обладает слабым характером), но и от того, кто *как лев рыкающий ходит, ища, кого поглотить*¹. Посредством безмолвия подвижник избегает пустых и бесцельных забот и, если пожелает, имеет возможность обратить свою мысль и заботу к Богу. Просвещаемый Его Божественной благодатью, подвижник открывает свое сокровенное существо, что является его необходимой обязанностью.

¹ 1 Пет. 5, 8*.

Вторым деланием считается пост. С его помощью низлагается и связывается один из исполинов искажения — чревоугодие, непобедимый союзник природы и дьявола. С его помощью последний поработает множество своих жертв. Насколько необходимым является это деяние, показал наш Господь тогда, когда в Своем Пришествии, после Божественного крещения в Иордане, принял на Себя труд по нашему обновлению. Как же можно теперь оспаривать сей столп покаяния, основание обновления, воскресения, спасения? Если даже безгрешный и бесстрастный человек постится, и даже в течение долгого времени, кто сможет отговориться немощью или нежеланием? Я уж не говорю о подвиге жажды, который опытные делатели воздержания используют как наилучшее средство борьбы с неразумными влечениями.

В качестве третьего делания отцы рекомендуют бдение. Это самое совершенное средство просвещения ума и родительница молитвы. Пресыщенность состоянием сна сразу же принижает чистоту ума. Ослабляется мыслительная способность разумной природы к сравнению, различению, выбору и применению всего того, чего требует законное подвижничество. Бдение как средство милого отцам трудолюбия всегда предшествует аскетическим подвигам. Всем известен превышающий всякую меру подвиг отцов в бдении. Они подчеркивали многообразие пользы, приносимой этой добродетелью, поскольку она наилучшим образом способствует «умному деланию», от которого зависит все, ибо ум видит, ум слышит¹, ум избирает и выполняет.

Четвертым и пятым деланиями отцы называют молитву и псалмопение. В самом деле, они разделили единое делание молитвы на две разновидности, играющие основную роль в рамках этой столь важной и всеобъемлющей добродетели. В самом имени молитвы они запечатлели мысль об обращенности внутрь себя, и особенно о собеседовании с Богом в уединении. Там, в молитве, всякий человек повергает все свое существо перед Божественным благоутробием и благостию и с усердным исповедованием, молением, горячим прошением, молитвенным призыванием и благодарением возносит свою скорбь и тоску ко Христу, Богу нашему, *Могущему спасти*². Псалмопение же находит свое место в групповых собраниях верующих. Вместе с песнословием общее моление получает большую торжественность. Такой образ молитвы более приятен и приемлем для мирян.

Шестым деланием отцы считают чтение и изучение слов и поучений, направляющих по пути духовной жизни во Христе. Слово Господа *имеющий заповеди Мои*³ означает вот что: пусть он изучит и осмыслит Мои заповеди, Мою волю, и потом станет блюстителем заповедей. Вот каков *есть любящий Меня*⁴. В Моисеевом Законе Бог еще требовательнее повелевал познавать Его волю и постоянно поучаться в ней, дабы не упустить из виду, как долг, точное ее соблюдение и исполнение. *И в законе Его поучится день и ночь*⁵. Одна из важнейших забот всякого, кто желает избавиться от неистовства нашего супостата, *как лев рыкающего*⁶, заключается, по словам апостола Павла, в том, чтобы были *не безызвестны его умыслы*⁷. Поскольку же друзья и рабы Божии не *по воле человеческой, но изрекли* и написали, *будучи движимы Духом Святым*⁸, исследование их слов и писаний становится еще большей обязанностью для полного прояснения и постижения «невидимой брани», которую мы немолчно ведем.

¹ Прит. 20, 12.

² Евр. 5, 7.

³ Ин. 14, 21*.

⁴ Там же.

⁵ Пс. 1, 2.

⁶ 1 Пет. 5, 8*.

⁷ 2 Кор. 2, 11.

⁸ 2 Пет. 1, 21*.

Седьмым деланием отцы считают обращение к опытным людям за советом о каждом слове и деле. Таким способом запечатлевается смиренномудрие, исчезают самодовольство и неопытность. Ибо *смирренным дает Господь Свою Благодать*¹ и просвещение.

Итогом такого стремления и приуготовления является терпение, позволяющее не задумываться, не разузнавать о событиях, независимо от того, радостными они являются или скорбными.

¹ Иак. 4, 6*.

ДЕЛА НОВОГО И ВЕТХОГО ЧЕЛОВЕКА

Всякий раз, когда богоносные отцы говорят о *противоестественном законе*, они имеют в виду всестороннее искажение природы, вызванное падением человека и его постоянным отступничеством. Однако Господь в Своем безграничном милосердии с помощью Своего воплощения и всей Своей жизни среди нас у врачевал нашу рану и вернул нас к первоначальному равновесию.

Вместе с преступлением и преслушанием Божественной воли мы выдвинули на передний план собственную волю, которая породила смерть. Избавление от сей кары достигается благодаря отказу и отречению от нашей смертоносной воли и исцелению человеческого состояния через возвращение к *естественному*.

Упорствуя в своей воле, человек придал естественным силам своего ума противоестественную направленность. И вот — господствует абсурд! Давайте обратимся к некоторым примерам.

Естественной силой ума является здоровое желание, когда ум действует *естественным образом* и служит источником стремления к Богу, любви, и вообще всякого боголюбивого и благородного стремления. Враг рода человеческого извратил эту силу, сделал из нее постыдное и негодное желание, так что человек предпочитает всякую нечистоту и мерзость.

Другая природная сила ума — ревность. Без рвения *о Боге* не будет преуспевания. *Ревнуйте о дарах больших*¹, — побуждает апостол Павел. Но и здесь враг извратил здоровое и добродетельное стремление к Богу в нечто противоестественное и сделал так, чтобы мы завидовали друг другу, друг к другу ревновали, были злопамятны.

Гнев и порыв — это также природные силы ума. Без них невозможно достичь чистоты. Человек должен был бы гневаться на врага, который всевает свое лукавство. Однако из-за нашей собственной небрежности и эта природная сила сделалась противоестественной. Наш гнев обернулся против ближнего и тем самым произвел множество пагубного и вредного.

Природной силой ума является и ненависть. Без ненависти к многообразному пороку в душе не открывается достоинство человека и не доводится до конца никакое исповедание, которое является основной нашей целью и намерением. Но и здесь враг обратил эту силу в *противоестественный гнев* против ближнего и тем опустошил нашу душу, заставил самого человека творить из себя дьявола и сделал из него образ сатаны!

Желание, ревность, гнев и порыв. Все эти естественные качества были созданы в нашей природе непорочными и чистыми. Преслушание их изменило, исказило. Враг прячется за ними и отделяет нас от Бога, используя наши же собственные силы вопреки их предназначению.

Господь наш изменил и у врачевал Своей вседобродетельной жизнью и Своим учением все эти качества и всю совокупность нашего искажения и повреждения грехом.

Одним из способов достижения практической пользы и преуспевания в духовной борьбе является побег и удаление от причин греха. Тот человек, который живет среди таких причин, подпадает под их пагубное влияние, уступая своим желаниям и страстям. Надежным способом отказа от причин и поводов ко греху является преумножение Божественной любви.

Где, по благодати Божией, умножается Его любовь, — упраздняется стремление тела к отдыху. Эта усталость самоотречения рождает надежду, ибо человек терпит ее ради исполнения заповеди. Тогда подвижнику легче избавиться от житейских забот и приобрести определенную способность различения помыслов, чтобы усвоить правильную практику невидимой брани.

Одной из величайших наград в этой войне является победа подвижника над тщеславием. Такова первая ступень преуспевания в ведении Бога. Тот же, кто (увы!) увлекся бесстыдством этой негоднейшей страсти, чужд мира духовного. Он становится жертвой бессердеч-

¹ 1 Кор. 12, 31.

ности и душевного беспокойства и вынужден прибегать к лицемерию и лжи, чтобы прикрыть свою духовную наготу.

Тот же, кто благодаря здравому покаянию отверг телесные страсти и прочие изъязы ветхого человека, — достойно подготовил свою душу и стал сосудом благодати, или, вернее, стал храмом Божиим.

Кто неустанно со смиренномудрием подвизается и по благодати Христовой достигает этой добродетели, тому Бог открывает его грехи, чтобы подвижник научился воевать с ними. Если к этому присоединится скорбь, каковая еще более надежна, тогда обе эти добродетели изгоняют из души семь лукавейших бесов, заключающих в себе сердцевину ветхого человека. Тогда душа может вкушать от сладости своих собственных добродетелей. Такого подвижника не затрагивают ни расположение людей, ни их издевательства. Если же человек не сможет вынести резкое слово ближнего и воздаст тем же, тогда совесть его подвергается из-за этой несдержанности внутренним возмущениям, так что он оказывается в плену у беспокойства. Совершаемая со страхом молитва к Богу возвращает мир, а любовь и долготерпение уничтожают противоестественный гнев. Если мир, любовь и долготерпение остаются в душе, тогда гнев направляется не против ближнего, но против страстей и бесов, в душе же царят умиление и смиренномудрие.

Тот, кто сможет вынести резкое слово своенравного и неблагоразумного человека ради Бога и мира собственных помыслов, будет именоваться *сыном мира*¹ и сможет стяжать спокойствие души, тела и духа. Если эти три состояния станут достоянием человека, тогда враги прекращают нападать на закон ума и упраздняется рабство плоти. Такой человек будет называться *сыном мира*, и Дух Святой поселится в нем и никогда не покинет его.

Один из лукавых духов, неустанно воюющих против нас, — это дух робости, который мешает всякому доброму начинанию. В частности, когда ум человека занят терпеливым ожиданием по Богу, этот бес насыляет на него небрежность, чтобы заставить уклониться от тяжких трудов добродетели. Тогда единственным спасением становится возбуждение любви, терпение и воздержание, если, конечно, подвижающийся поймет, что причиной претерпеваемого им ущерба является небрежность.

Для борьбы против духа печали, вызывающего уныние, из-за которого подвижник оставляет борьбу, требуется многое трезвение. Как же иначе подвижник достигнет великих добродетелей, которые заключаются в том, чтобы никто не считал себя добродетельным, бесстрашно переносил оскорбления и бесчестие, не считался и не назывался достойным мира сего?

Господь наш сказал: *Не можете служить Богу и маммоне*². Отцы определяют «маммону» как мирской образ мыслей, который порабощает не ведающих Бога приверженцев «века сего». Две причины для греха осаждают душу. Одна из них внешняя, а другая — внутренняя. Внешняя связана с заботой «века сего», с потребностью в телесном отдыхе. Внутренняя же движет страстями, препятствующими добродетелям. Душа человека не ощущает внутренних причин страстей, если не освободится от внешнего порабощения им.

Господь учит нас способу избавления от этого рабства: *Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет* (то есть от своей воли), *не может быть Моим учеником*³.

Всеблагий Наш Владыка, зная о том, что воля является причиной двойственного пленения, повелел нам отсекаать ее. Когда человек творит свою волю, он умерщвляет свой ум. При этом, поскольку душа заботится о внешнем, внутренние страсти действуют совершенно свободно. Если же душа доверяется заповеди Господней и отсекает свою волю, тогда ум пробуждается и методично отбрасывает страсти, созидая добродетели. Господь желает, чтобы Его рабы исцелились от видимых причин греха, то есть неразумных влечений, а также и от причин, сокрытых в их душах, то есть от страстей. Именно их упразднил Он Своим вочеловече-

¹ Лк. 10, 6*.

² Мф. 6, 24.

³ Лк. 14, 33.

нием. *Пребудьте во Мне, и Я в вас*¹, — побуждает Господь. Это значит, что мы должны *пребывать в Господе* через деятельное благочестие, и тогда Он вместе с чистотой поселится в нас, насколько это будет возможным для нас самих.

Святые отцы называют три добродетели, необходимые для просвещения и отрезвления ума: естественное рвение, мужество и отсутствие лености (трудолюбие). Если же ум человека стяжает три вида преуспевания: различение помыслов, прозорливость и твердую веру, подкрепленную Божественным просвещением, то он осознает, что уже достиг бессмертия.

Три добродетели вызывают в уме Божественное просвещение: не считать другого человека злым, благодетельствовать всем, кто тебя несправедливо огорчает и плохо с тобой обращается, и спокойно и безропотно переносить все, что с тобой случается. Эти три добродетели порождают другие три, еще более значительные. Способность не видеть в другом зла рождает любовь. Посредством благодетельствования всем, кто плохо с тобой обращается, стяжается мир, а безропотное перенесение всего, что случается, дарует кротость. О Всеблагий Владыка, Который Сам — сокровище благих, удостой же и нас стяжать сии добродетели! Аминь.

Четыре добродетели очищают душу: безмолвие, исполнение заповедей, умеренность со строгим воздержанием и смиренномудрие. Ум, в свою очередь, нуждается в следующих четырех добродетелях: в совершаемой со смирением непрестанной молитве к Богу, в том, чтобы повергать себя перед благоутробием Божиим, избегать суждения о всяком человеке и совершенно пренебрегать докучающими ему страстями.

Четыре добродетели обороняют душу и даруют ей отдохновение во время духовной брани: милостыня, безгневие, великодушие и противостояние всевозможным прилогам греха. Противостояние забвению, несомненно, дополняет все эти добродетели.

Четыре добродетели полезны в юности: постоянное богомыслие, неустанный труд, бдение и смирение (когда человек не считает себя добродетельным).

Существуют четыре причины восстания плотской брани: чрезмерный сон, обжорство (чрезмерное потребление пищи), остроумие (шутки) и украшение плоти.

От других четырех причин помрачается душа. Это ненависть к ближнему, презрение, зависть и ропот.

Четыре вещи опустошают душу: бесцельное блуждание с места на место, многие хлопоты, «вещизм» (любовь к материальному) и сребролюбие.

Три вещи человек приобретает с трудом, но именно они служат охраной добродетелей. Это плач, слезы о грехах и постоянное памятование о смерти.

Три великих порока всегда препятствуют стяжанию добродетелей: пленение, нерадение и забвение. То проклятие, которое называется «забвением», воюет с человеком до его последнего вздоха.

Вкратце мы обозначили дела «нового» и «ветхого» человека. *Любящий душу свою, чтобы не погубить ее*², пусть всегда подвизается, дабы охранять дела «нового» человека. Тот же, кто желает отдохновения в этой кратковременной жизни, творит и осуществляет дела «ветхого» человека, таким образом теряя свою душу.

¹ Ин. 15, 4.

² Лк. 17, 33; Ин. 12, 25*.

ДЕЛАНИЕ И СОЗЕРЦАНИЕ. ПОЛЕЗНЫЕ РЕЧЕНИЯ ИЗ ОПЫТА ОТЦОВ

Когда мы соблюдаем заповеди Христовы, мы ничего не приносим Ему, потому что Он ни в чем не нуждается, ибо Сам является подателем всех благ. Мы сами становимся благодетелями по отношению к себе тем, что принимаем в свою душу жизнь вечную и наслаждение неизреченных благ. Посредством соблюдения заповедей мы доказываем наше богоподобное происхождение и благородство наше, поскольку не приемлем отвратительного развращения, которое несут скотская похоть или прелесть.

Благотворительность является исполнением заповедей. Однако, по сути, не благие дела являются для нас целью, но наша вера во Христа: ценится именно она. Добрые дела были и будут всегда, однако они не спасают человека. Спасает только вера во Христа, которая выражается делами, проявляющимися в исполнении заповедей. Таким образом, ни вера без дел, ни дела без веры пользы не приносят.

Вера во Христа и покорность Ему людей, унаследовавших падение и тление, является не вопросом предпочтения и выбора, но настоятельной необходимостью. Всякий, кто по любой причине и под любым предлогом противодействует нам в исполнении заповедей Божиих, — отец ли это, мать или кто угодно другой из родных, — должен быть отвергнут. По заповеди нашего Спасителя, *любящий отца или мать больше, чем Меня, не достоин Меня*¹.

Господь наш весьма ясно определяет: *Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу ради Меня, тот обретет ее*². Потеря души — это иносказание. После падения мы были обезображены (грехом) и впали в «противоестественное» состояние. Очерстневши от греха³, по словам апостола Павла, с пребыванием помышления во зле⁴, мы стяжали страстный и развращенный навык. Господь желает, чтобы мы непременно отстали от этого навыка ради Его заповеди. Тогда, по Его благодати, мы *обретем душу*⁵, преобразившись по образу Создавшего и Обновившего нас в жизнь вечную⁶.

Однако для этого требуется внимание, ибо если кто-то после доброго начала благочестивой жизни и духовного преуспевания расслабится, то сразу потерпит ущерб. Если же кто-то вдруг отступит назад, вращаясь среди источников страсти, то без труда и очень быстро, вследствие возвращения прежних привычек, *последнее будет хуже первого*⁷. Столь велика сила греха при его возвращении, что, согласно выразительному высказыванию, он приходит как *огнь на тростник, камень со склонов, русло горного потока, расширяющее свои пути*.

Пока душа находится в «противоестественном» состоянии, ожесточенная и исполненная побудительных причин к наслаждениям, она становится вертепом лукавых зверей, бесов и страстей. Но она способна, если того пожелает, с помощью Божественной благодати встрепенуться, пока еще не покинула этот мир, пробудиться, укротить себя усердным житием по Богу. Тогда, о, тогда! *Кто Бог велий яко Бог наш?*⁸ Великая радость бывает на небесах ради ее возвращения. Тогда будут изгнаны лукавые звери и страсти, ангелы с небес предстанут душе, и благодать Всесвятого Духа вселится в нее. Тогда уже никто не сможет лишить ее радости и веселья и никто не воспрепятствует ей принести плоды преизобильных дарований Христовых.

Наши отцы называют молитву необходимым духовным оружием, без которого невозможно кому-либо вступить в невидимую брань. Человек не может стяжать чистую молитву,

¹ Мф. 10, 37*.

² Мф. 16, 25*.

³ Евр. 3, 13.

⁴ Быт. 6, 5.

⁵ Мф. 16, 25*.

⁶ Кол. 3, 10*.

⁷ Мф. 12, 45*.

⁸ Пс. 76, 14.

если не будет умолять Бога с искренним и незлобивым сердцем. Ибо Он, наш Сладчайший Спаситель Иисус, является Тем, Кто *дает молитву молящимся*¹ и *учит человеков разуму*.

Находясь на поприще невидимой брани, мы подвергаемся неисчислимым нападениям всевозможных приражений и страстей. Однако рассуждение позволяет нам ясно различать их, так что мы можем безукоризненно осознать свой долг. Все страсти докучают нам в виде прилога, нашествия, напоминания, требуя нашего возвращения в их позорнейшую кабалу. Причина этого не в нас. От нас не зависит возможность воспрепятствовать прилогу, нашествию, напоминанию, и это не ставится нам в вину, однако мы способны, если того пожелаем, с помощью и в союзе с Божественной благодатью противостоять им и не допускать сложения с ними. Наше противостояние таковым изображено в словах: *призови Меня в день скорби своя и изму тя*², а также: *если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего*³.

Существуют три основные страсти, посредством которых рождаются все прочие. Это — саслолюбие, сребролюбие и славолубие. Вслед за ними идут прочие пять лукавых духов. Итак, кто одолел трех вождей и властителей, убивает вместе с ними и остальных пять и тем подчиняет себе все страсти.

Ко мне постоянно обращаются с вопросом: почему, помимо нашей воли, нас мучают и угнетают порочные воспоминания, в особенности в то время, когда мы молимся? Все эти являющиеся нам образы суть запечатлевшиеся в сознании воспоминания о прежних наших делах, которые составляют нашу вину и требуют покаяния.

Когда, по благодати Христовой, неподобающие размышления прекратятся, покаяние наше и преуспевание будут истинными, а в таком случае будет действительным и отпущение грехов.

Те из страстей, которые являются телесными, низвергаются посредством телесной аскезы и злострадания, душевные же упраздняются смирennemудрием, кротостью и любовью.

Страстная похоть иссушается с помощью соединенного со смирennemудрием воздержания. Необузданность гнева смягчается любовью и состраданием. Мыслительная способность, блуждающая тут и там, может быть сосредоточена усиленной молитвой, соединенной с воспоминанием о Боге. Таким образом все три части души достигают очищения. Именно это и подразумевает апостол, когда говорит: *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа*⁴.

На тех, кто живет посреди мира и находится рядом с причинами и источниками страстей, бесы нападают, дабы ввергнуть их во грех, совершаемый на деле. Тем же, кто находится далеко от таких причин и источников, они докучают страстными помыслами и воспоминаниями. И вторая брань намного страшнее первой, ибо нападение с помощью материального имеет нужду во времени, месте и удобных случаях, в то время как натиск мысли бывает сиюминутным и стремительным. Он более свободен в средствах, так что ему труднее противостоять. В качестве оружия для этой незримой брани нам выдана Господом чистая и усердная молитва, отчего и предписывается, чтобы была она непрерывной.

Виною подвизающегося считается сочетание страстного помысла с каким-либо запретным вожделением, то есть сладостная уступка греху. Вначале всегда предшествует помысел. Чтобы помрачить ум человека, он пользуется страстной частью души, а затем и сама душа поддается ему, склоняясь к наслаждению, ибо уже не в силах выдержать брани. Это называется «сложением». Когда такое состояние длится долгое время, страсть начинает действовать и мало-помалу переходит к практическому осуществлению греха.

Вера является неким благом внутреннего расположения души. Она рождает в нас страх Божий. Страх Божий учит соблюдению заповедей, которое называется «деланием». Беспре-

¹ 1 Цар. 2, 9* (слав.).

² Пс. 49, 15.

³ Еккл. 10, 4.

⁴ Евр. 12, 14.

пятственное осуществление делания, по благодати Христовой, ведет к бесстрастию и к свободе. Порождением бесстрастия является любовь, в которой заключено исполнение всех заповедей.

Наиболее совершенный образ естественного функционирования душевных сил человека таков: мыслительная часть души усердно и твердо занимается созерцанием добродетелей; желательная часть с силой обращается к тому же созерцанию и к Подателю оно; раздражительная же вооружается против бесов.

Отцы наставляют нас всеми силами отвращаться от губительной страсти памятозлобия. Это состояние само по себе придает душе диавольский образ мыслей и облик, совершенно лишая ее присутствия и действия благодати. Оно привлекает не милость, но справедливый гнев и негодование Бога, Который и является, и именуется *Любовью*. Скорее надлежит горячо молиться о здравии того, кто тебя оскорбил, и, чем только возможно, помогать ему, дабы спасти душу свою от смерти и не утратить истинности своей молитвы.

В смиренных душах почивает Господь, в высокомерных же гнездятся все бесчестные страсти. Ничто другое не усиливает эти страсти так, как гордые помыслы, и ничто другое так не искореняет их, как блаженное смирение. И поэтому оно справедливо именуется «убийцей страстей».

Тот, кто ревностно заботится о целомудрии с той целью, чтобы достичь блаженнейшей чистоты, каковую мы можем назвать и бесстрастием, совершенно не должен жалеть собственное тело. Пусть он всегда сохраняет смирение в своем сознании и образе мыслей. Очень помогает в этом и постоянное призывание имени Господня (то есть *молитва Иисусова*).

Орудиями, способствующими стяжанию добродетелей, служат разумно прилагаемые телесные усилия, подобно тому как и лень производит вырождение страстей. Внимание и отказ от осуждения служат крепким укрытием для подвижащихся. Хранение языка служит признаком подвижника деятельного благочестия. Вообще, сострадание и оказываемая по мере сил милостыня ведут к любви, а любовь, как нам известно, является вратами чистоты.

Бесцельная забота — корень страстей, а жестокосердие порождает ярость.

Плач, вызванный самоукорением, без какого-либо смущения искореняет все пороки, а нежелание порицать ближнего приносит нам смиренномудрие.

Будьте внимательны к похвалам человеческим! Ибо гордость зарождается исподволь, и мы не замечаем ее.

Памятование о Боге и, в частности, о судах Божиих вызывает в душе страх Божий. Тот же, кто попирает совесть, расточает все с трудом приобретенные блага.

Великим оружием против нерадения является любовь к Богу. Важное дополнение к ней — разумное молчание (то есть *исихия*).

Подчинение ближнему, если таковой имеет собственное мнение и живет с нами, — признак того, что ум стяжал чувство добродетелей, в то время как своенравие — признак неведения.

Самой губительной страстью для подвижащихся служит тщеславие, если они допускают его, поскольку главой добродетелей является смиренномудрие. Глава же страстей и порока — чревоугодие.

Тот, кто научился постоянно припадать к Богу, вместе с остальными благами приобретает и способность безо всякого смущения переносить насмешки и унижения. Слезы, происходящие от сего делания, неприступны для вражеских злоумышлений.

В том, кто с благим намерением возлюбил изнеможение от всеобъемлющего трудолюбия, рождается ненависть к страстям. Однако лень без труда снова возвращает их.

*Ибо мы ходим верою, а не видением*¹. Глубокая и правая вера рождает страх Божий. Страх Божий побуждает к строгому соблюдению Божественных заповедей. А исполнение

¹ 2 Кор. 5, 7.

Божественных заповедей, в свою очередь, завершает так называемое *делание*, которое бывает началом и основой *созерцания*. Плод и предел созерцания — любовь. И если Бог наш есть Любовь, то *пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*¹.

Суета и увлечение бесцельной переменой мест очень вредны, потому что растрачивают теплоту благодати, иссушая чистое стремление. Ибо справедливо глаголет Писание: *волнение похоти развращает ум незлобивый*².

ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ И ПАМЯТОВАНИЕ О БУДУЩЕМ

Первоначало и здоровое основание безмолвия — постоянное пребывание на одном месте и строгое и настойчивое соблюдение соответствующих жизненных правил.

Прежде всего необходимо сосредоточение ума во избежание его безудержных парений, соединенное с памятью смертной. Имеется в виду не вообще память о смерти в неопределенном виде, а памятование о последнем, конечном мгновении, когда душа покинет свое тело, когда Ангелы и бесы предстанут пред тобой и будут состязаться за право взять трепещущую и стенающую душу.

Помысли обо всей лжи и тщетности здешней жизни и прими во внимание, насколько бесцельно порабощение души такой суетой. Вспомни Суд и справедливость Божию, которая последует сразу же после смерти, дабы воздать каждому по делам его. Там, на Суде, Бог уже не милостив, не Бог щедрот и человеколюбия, как в настоящей жизни, но *Бог отмщений*³ и справедливости, поэтому нет во аде покаяния⁴.

Если мы жили неправильно или не успели, по крайней мере, завершить свое покаяние, так что нас лишат доли спасенных, тогда ожидающее нас, равно как и всех других осужденных, будет таким, что даже и описывать ужасно. Это *геенна, огненное озеро, червь неусыпающий*⁵, *скрежет зубов*⁶ и прочие тяжкие мучения, но страшнее всего — вечное их продолжение.

Многие благоразумные люди от одного созерцания вечных мук приобрели спасительные слезы и благодаря им избежали этой ужасной участи.

Противоположность памятованию о Страшном Суде представляет собой созерцание, свойственное праведникам. Такие люди по благодати и милости Христовой сделались и остались благоговейными и внимательными. Они ожидают, когда Бог во благости Своей примет их, избавив от трудов и усилий здешнего делания. О, сколь велика их надежда и сколь великим будет ликование, когда они услышат, как Предмет их любви призывает их к Себе: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас*⁷.

Данный прием весьма полезен как начало сосредоточения и духовного делания, и его испытание убедит в этом всех заинтересованных.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ ЗЛОСТРАДАНИЕ И МОЛИТВА

Иной прием подвижничества, связанный с тем же самым священным безмолвием, — это, по возможности, всеобъемлющее злострадание, которое символизирует принятое нами в качестве заповеди подъятие Креста. Первым и главным началом здесь является пост, бдение в меру сил, молчание и отсечение от слов и дел мира сего. Однако особенно важна — и стоит превыше всего прочего — молитва, которая требует, чтобы наша настойчивость в ней была настолько велика, насколько только возможно. Значение ее столь огромно (неда-

¹ 1 Ин. 4, 16.

² Прем. 4, 12.

³ Пс. 93, 1.

⁴ Пс. 6, 6.

⁵ Мк. 9, 43*.

⁶ Мф. 8, 12; Лк. 13, 28.

⁷ Мф. 11, 28.

ром апостол Павел требует непрестанной молитвы), потому что и в вечности она останется достоянием всех сотворенных Богом разумных существ.

В деле молитвы отцы советуют быть настойчивыми, ибо эта величайшая добродетель является самой утомительной и требует весьма разнообразных и великих усилий. Поэтому нам предписано не изнывать, а просить, искать, стучать¹ до тех пор, пока не станет столь очевидным наше намерение *в чувстве и ведении* испрашивать Божественной помощи. Молитва является чистым деланием ума.

Ум, привыкший к небрежности и рассеянности, не желает обуздания и ограничения однообразным повторением молитвы. Добавьте к этому накопившиеся образы предрассудков, которые запечатлеваются на чистом листе воображения и увлекают ум к старым привычкам. А ведь есть еще и лукавейший враг, который противостоит всем желающим молиться и нападает на них. Вообще, старые навыки, будучи частью мира сего, препятствуют пришествию будущей жизни.

Однако доброе усердие преодолевает все трудности с помощью Божественной благодати, если мы проявляем упорство и ищем. Вначале всегда имеют место затруднения, как это бывает во всяком деле, однако такие затруднения не являются признаком неудачи или неправильного образа действий. Побуждаемые нашими духовными предками, мы по опыту знаем, что необходимо терпеливо пребывать в призывании всесвятого имени Спасителя, пусть даже ум и рассеивается. Упорство рождает навык, а тот, в свою очередь, освобождает от предшествующего напряжения сил. Но и Всеблагий Спаситель, Которого мы усердно призываем, не в силах презреть тех, кто молитвенно припадает к Нему. Ведь Он — Тот, Кто умер за нас, когда мы были еще грешниками², и волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит, и спасет я³.

Для тех, кто желает войти в степень многотрудного покаяния, мы должны обратить особое внимание на молитву. Коварнейшие враги, если наше внимание задремлет хоть ненадолго, не медлят вновь привести в действие порочные навыки и страсти, которые было потерпели от нас поражение. Некогда я недоумевал, слыша от своих опытных старцев, что они желают мне больше опыта, нежели благодати, ибо не знал силы их слов. Когда я малопомалу вступил на поприще деятельного покаяния, то на деле понял важность молитвы. Ведь кто посредством тщательного делания завоевал в невидимой битве добычу опыта, тот может стяжать многие духовные дары, *ибо мысли врагов он знает*. Но благодать, полученную от Бога как дар, без опыта нелегко удержать.

Опытные отцы считают, что в добродетели легче преуспевает тот, кто обращается к Богу с покаянием, если, конечно, он подвизается правильно и с благоговением, нежели тот, кто преуспел, но через небрежение вернулся к прежней жизни. Такой подвижник встретит много супостатов, когда, после совершенного предательства, захочет исправить свою ошибку. Поскольку падение было вызвано невнимательностью, Божественная благодать, которая прежде извлекла человека из болота нечистой жизни, теперь оскорблена и не вернется так легко, чтобы вновь стать его союзником. Тогда неистовство уныния, теснящее подвизающегося к отчаянию, особенно стремительно, и без опытного руководителя исход брани неясен.

ПРЕДЛОГ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА

Другой хитроумный метод вероломных врагов — это предлог *икономии* (то есть заботы о существовании) ради утомления и истощения, которым обычно подвергаются подвижники. Тогда обманщики принимают вид милосердия и подстрекают к кажущемуся домостроительству (икономии) посредством ослабления принятого уклада жизни. Здесь требуется великое рассуждение. Вся польза преуспевания в деле покаяния происходит не только от Божествен-

¹ Мф. 7, 7.

² Рим. 5, 8.

³ Пс. 144, 19.

ной благодати, но и от человеческих усилий, выражением которых является строгое соблюдение принципа трудолюбия. Усердное хранение уклада жизни является квинтэссенцией всего нашего намерения, и оно же дополняет исповедание, в котором состоит главная цель всего человечества.

Первое отступничество вызвало падение, от которого родилось все жалкое состояние тления и горестей. Посредством подчинения и исповедания Господь Иисус Христос открыл нам воскресение и спасение и привел нас обратно в состояние духовного равновесия. Точное соблюдение добродетельного уклада жизни — это наиболее прочное исповедание, потому что, по слову Господа, Его последователями являются те, кто отвергает и самую душу свою *ради словес у стен Его*¹.

Отцы безусловно советуют строго соблюдать установленный уклад жизни, который служит безотказным спасательным кругом Для нашей раздробленной личности, так как после падения мы стали жертвой всякого злого воздействия.

БЕСЦЕЛЬНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Другой фактор, который приносит неисчислимый вред подвизающимся на поприще покаяния, — это бесцельные развлечения. Они рассеивают внимание и сосредоточенность в себе, на которых зиждется равновесие чувств, и в особенности ума, который является оком души. Требование *больше всего хранимого хранить сердце твое*² оказывается в пренебрежении, так что страсти, привычки и предрассудки одерживают верх. Из-за этого же невнимания, сопряженного с утратой бдительности, забывается требование Господа: *да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи*³. Хранение молчания является наилучшей уздой для пустых развлечений и, вообще, для бесцельного парения помыслов. Подавление развлечений и воздержание языка придают Божественной ревности теплоту и постоянство, умножают горячее желание добродетельной жизни, в которой проявляется любовь к Богу. Итак, справедливо говорили себе ревностные подвижники: «Избегай, безмолвствуй, уединяйся».

ВСЬ ЖИВОТ НАШ ХРИСТУ БОГУ ПРЕДАДИМ

Если, согласно Писанию, *не путь человеческий путь Его и у вас же и волосы на голове все сочтены*⁴, то нам надлежит с верой препоручать все дела Христу, но ни в коем случае не самим себе или какому-либо другому фактору. Этот способ возложения всего с верою на Христа имеет двойственную природу, ибо существуют две причины ко греху и два его начала, осаждающие нас.

Первая из них — это всякого рода самолюбие, которое, согласно тому как это свойственно ветхому человеку, принуждает нас к сластолюбию и кокетству. Оно низлагается только самоотречением с верой во Христа, поскольку *все возможно верующему*⁵. Такова сила этой веры, что воинство мучеников и разнообразных подвижников пренебрегает ради нее и родителями, и почестями, и даже собственной жизнью.

Действие веры, если рассматривать его с практической точки зрения, находит свое начало в следующих особенностях: сначала рождается неудержимое желание всех благ, которые обещаны Божественными обетованиями, и страх наказаний, уготованных отступникам. Потом оба эти элемента, неудержимое желание и страх, пробуждают совесть к исполнению Божественных заповедей. Деятельное исполнение заповедей пробуждает в нас божественную ревность, теплоту, благоговение. А таковые, в свою очередь, смягчают сам труд нашей

¹ Пс. 16, 4*.

² Притч. 4, 23*.

³ Лк. 12, 35.

⁴ Мф. 10, 30.

⁵ Мк. 9, 23.

устремленности, поскольку благодаря им одерживают верх являющиеся надежным спасательным кругом благой навек и уклад жизни, в особенности для людей слабохарактерных.

ВНИМАНИЕ И УСЕРДИЕ

Тот, кто по благодати Христовой удостоился совершить сие прекрасное дело, должен обладать многим вниманием и усердием, поскольку враг, зная о нашем последующем преуспевании, не замедлит причинить вред «одесную». Под предлогом любви и разумного снисхождения («икономии») он подстрекает нас отойти от принятого уклада жизни и внимания, которые вызывают в подвижнике Божественную теплоту и ревность, и тогда, если хоть ненадолго возобладает нерадение, начинается попятное движение.

Если мы осмыслим спасительные слова апостола Павла *я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах¹ и все, хотящие благочестиво жить во Христе Иисусе, гонимы будут²*, то будут упразднены наглость и настойчивость неразумного и проклятого «зачем?», которое является фундаментом самооправдания, костяком отступничества и анархизма, причиной падения и искажения тех, кто *хорошо весьма³* был создан Творцом.

Исправление и уврачевание, осуществленные воплощением Бога Слова, обретаются в смиренномудрии, в отказе от собственной воли, в законе взаимопомощи, согласно которому надлежит *носить бремена друг друга⁴*.

Причина нашей всеобщей гибели заключается в самолюбии, которое проявляется в корыстолюбии, самодовольстве и сластолюбии. Освободиться от таковых поможет трудолюбие вместе с самоотречением, которое достигается по благодати Божией с помощью правильно организованного подвижничества.

Матерь любого преступления и предательства — наслаждение, а матерь всякого исправления и духовного успеха, достигаемого с помощью благодати, — муки труда, порожденного самоотречением. Хотя сочетание нашей собственной воли со всеобъемлющим трудолюбием и является необходимым, но без содействия Божественной благодати успех невозможен, согласно слову Господню: *без Меня не можете делать ничего⁵*.

Святоотеческий опыт — как древний, так и новейшего времени — убеждает нас, что подвижающимся необходимо быть чрезвычайно внимательными к мощному натиску нерадения, которое неустанно сопутствует им.

Вначале та же самая благодать, которая была оскорблена, медлит возвращаться. Она приходит вновь не через обычные страдания и слезы, но ценой многих упорных трудов. Кроме того, нерадение, если оно одержало верх, нелегко победить из-за его союзников — бесов. Однако самое великое бедствие, которое отвращает от покаяния, — это дух печали, поддерживающий уныние.

Самые полезные союзники сего тяжкого делания суть телесные труды и смиренномудрие, сколько человек может их вынести, а также слезы молящегося и сокрушенного сердца. Ведь сказано: *Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя⁶ и слез моих не премолчи⁷*, а также: *быша слезы моя мне хлеб день и ночь⁸; и питье мое с плачем растворях⁹*.

Отцы советуют нам как очень результативный прием подвижничества сочетание и соединение делания со знанием наиболее действенных средств к преуспеванию. Ведение окрыляет разумную сущность человека созерцанием высших духовных образов, в то время как

¹ 2 Кор. 12, 10.

² 2 Тим. 3, 12*.

³ Быт. 1, 31.

⁴ Гал. 6, 2*.

⁵ Ин. 15, 5.

⁶ Пс. 24, 18.

⁷ Пс. 38, 13.

⁸ Пс. 41, 4.

⁹ Пс. 101, 10.

делание *умерщвляет земные члены*¹, то есть неразумные телесные движения. Ибо только когда они умерщвлены, распускаются цветы добродетелей.

Кто таким образом распял *плоть* свою *со страстями и похотями*², может совместно с апостолом Павлом сказать следующее: *уже не я живу, но живет во мне Христос*³.

Ибо некто из Отцов изрек: «Тот человек носит язвы Христа на смертной плоти своей, кто аскезой и послушанием заставил увянуть цветок плоти, кто, терпя поругания и оскорбления от людей, прощает им от всей души и живет в мире со всеми».

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И ПОРОКОВ

Для деятельного подвижничества не столь важно, какое именно делание наиболее полезно, потому что все делания добра или добродетели связаны между собой и одна от другой зависят. Это значит, что у всякой добродетели — свое место, и она должна наличествовать, когда приходит ее срок. С деланием молитвы связана любовь, с любовью — радость, с радостью — кротость. Кротость же без смиренномудрия недостижима. От смиренномудрия рождается служение. В этой священной цепи следуют друг за другом надежда, вера и послушание, заключающее в себе простоту, которую Господь считает блаженной. *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное*⁴.

Пороки таким же образом связаны друг с другом и зависят друг от друга. За гневом следует ненависть, за гордостью — тщеславие, и далее эта цепочка продолжается вплоть до пагубы падения и смерти. Затем следуют неверие и жестокосердие, от которого рождается нерадение, а от этого последнего — расслабление. После этого неизбежна «безоговорочная капитуляция» подвижника, если, по благодати Христовой, у него не будет опытного в духовных делах помощника.

ПАМЯТОВАНИЕ О БОГЕ

Как мы указали выше, Господь говорит: *без Меня не можете делать ничего*⁵. Поэтому я верю, что в цепи духовного делания первоосновой является памятование о Боге. Всех, кто желает сражаться во имя этого священного подвига, мы призываем явить это стремление как благое начало. «Следует поминать Бога чаще, чем дышишь», и тогда как законно подвизающиеся⁶ вы будете иметь неразлучным Спутником *Господа, крепкого в брани*⁷.

Когда памятование о Боге проявляется в постоянном призывании имени Божия, ум принимает просвещение, чтобы не блуждать в собственных суждениях; одновременно пробуждается и ревность, которая ослабляет тяжесть труда, так что подвиг трудолюбия облегчается. Это вещи предваряющие. Если же прибавить к памятованию о Боге большее усердие, то они пробуждают чувство любви Божией, которая является основой преуспевания *в Боге*.

Хотя всякое трудолюбивое делание, служащее для исполнения добродетели, является полезным, тем не менее оно не выше памятования о Боге. Непрестанно повторяемое в молитве всесвятое имя Господне делает присутствие самого Спасителя ощутимым, ибо имя Его — не какое-то простое слово, но некое живое действие. Это то слово, которому учат нас отцы: «Именем Иисусовым бичуй супостатов». Тот же смысл имеет и Павлово побуждение к непрестанной молитве. Тому, кто терпеливо творит молитву, *вскоре Бог подаст защиту*⁸,

¹ Кол. 3, 5*.

² Гал. 5, 16*.

³ Гал. 2, 20.

⁴ Мф. 18, 13.

⁵ Ин. 15, 5*.

⁶ 2 Тим. 2, 5*.

⁷ Пс. 23, 8*.

⁸ Лк. 18, 8*.

поскольку такой человек призывает Его дни и ночи. Слова *бодрствуйте и молитесь*¹ и *не унывать в молитвах*² характеризуют ту настойчивость, которая здесь требуется. Посредством этой настойчивости не только ниспровергается всякое коварство и сатанинские козни врага, но и врачуются природная неустойчивость и уклонение, свойственные человеку.

Не только Богоданное святоотеческое учение, но и естественная логика вещей убеждают нас, что надлежит вручать воле Божией как начало, так и завершение своего предприятия, и только на Него уповать. Таков необходимый закон и условие успеха во всяком нашем стремлении. *Начало премудрости — страх Господень; разум верный у всех, исполняющих заповеди Его*³.

БОГОВИДНОЕ УСТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Один из способов обрести цель жизни пред Богом состоит в том, чтобы помнить о нашем боговидном сотворении *по образу и подобию*⁴ нашего Владыки и Бога. Значит, нам необходимо стать похожими на Него и уподобиться Первообразу.

Второй способ — это памятование о том, что личность нашу постигло крушение и что наша мысль настаивает на порочном от юности нашей⁵.

Третий и самый полезный способ — обновление, совершившееся благодаря пришествию в мир Обновителя нашего естества и Его яркому примеру.

Если наши мысль и настроение постоянно обращаются к этим трем способам, то наверняка сделанный нами выбор и наши действия будут успешными, и мы, по благодати Христовой, удостоимся жребия спасенных.

УСТРАНЕНИЕ ПРИЧИН КО ГРЕХУ

Осторожное использование средств, требуемых для всеобъемлющего покаяния, является следующей ступенью для трудолюбивых подвижников. К способу, месту, вещам и лицам, среди которых мы вращаемся, нужно подходить «в мудрости», потому что зловещий, коварный и пожизненный враг, то есть закон искажения и «ветхий человек», вынуждают нас постоянно пренебрегать спасительными средствами духовного возрождения. Если сказано, что *дважды не прегрешит муж мудрый*, то как оценить тот факт, что мы впадаем в одно и то же прегрешение многократно? И так получается именно потому, что мы не удаляем причину греха, которая возбуждает привычку к дурному поведению.

Отцы в высшей степени мудро заостряют наше внимание на том, что «при наличии причин ко греху битва бывает проигрышной». Избежание чувственных причин бывает полезным, если соединяется с разумным противостоянием страстным помыслам. Однако единственное избавление и спасение от всего, что противостоит и мешает нашему исцелению, — это благодать Господа нашего, без которой ни один человек не может окончательно спастись.

Из всех содержащихся в Писании утверждений можно сделать вывод: самым благим началом является удаление от источников греха, противостояние вражьи помыслам и постоянное призывание Божественного имени Всеблагого Спасителя. Для тех, кто желает удостоиться Божественных обетований, в этих трех деяниях заключается целый лабиринт чувственной и невидимой войны.

Подобно описанным нами обстоятельствам и условиям, которые препятствуют преуспеванию, существуют и благоприятные условия, помогающие нашему спасению, если только мы внимательны и ревностны.

¹ Мф. 26, 4.

² Лк. 18, 1*.

³ Пс. 110, 10.

⁴ Быт. 1, 26*.

⁵ Быт. 8, 21.

Выше мы назвали памятование о нашем богообразном происхождении как основу для наших размышлений и решений. Однако в этой жизни, к несчастью, большую роль играет испорченное падением человеческое естество. Поэтому наше еще более настоятельное попечение и наш долг должны заключаться в том, чтобы мы не доверяли собственным эмоциям и благовидным предложениям. *Все мне позволительно, но не все полезно*¹. Даже и самой необходимости, которая связана с нашим биологическим существом, не следует доверять безусловно, пока не будет установлено, что это и в самом деле только лишь необходимость. Ведь под любыми порывами может скрываться многообразная похоть, которая любыми способами пытается поработить нас.

По причине лежащей во зле мысли и расположения нашего² необходимо постоянно быть в «боевой готовности», как сказано: *больше всего хранимого храни сердце твое*³, — чтобы через створки не ворвалась смерть⁴. Ведь даже наводящие ужас звери из-за неистового возбуждения естественных надобностей попадают в смертельные ловушки. Всесильным противоядием от подобных злоумышлений для нас является вера в Промысел и покровительство Господа. Таким образом, поскольку *это предстоит нам и путь Его не путь человека*, мы ослабляем насильственное действие греха на пути, где нам угрожает опасность попасть в ловушку.

Ни один из вас, заботясь, не может сделать хоть одного своего волоса белым или черным и *прибавить себе росту хоть на один локоть*⁵. Не значит ли это, что все упорядочивается спасительной десницей Промыслителя Господа, а не человеческим старанием и заботой? А слова *возверзи на Господа печаль твою, и Той ты препитаешь*⁶ не показывают ли, что Божественное покровительство всегда больше нашего собственного старания?

После падения человеческая личность была лишена власти над собой, так что теперь мы скорее являемся *жествами воздействия*. На нас беспрепятственно влияет все окружающее, и таким образом враг возбуждает чувства якобы во имя необходимости. Как раз здесь и проявляется смекалка подвизающихся, которые должны «всяческим сохранением блюсти сердца свои»⁷. Чувственные вещи провоцируют человека. Однако наибольшая опасность исходит от страстных помыслов, оказывающих давление на людей слабохарактерных и понуждающих их идти на уступки, поскольку этого якобы требует необходимость, а не вождение. *Кто премудр и сохранит сия? И уразумеют милости Господни*⁸. Тех же, кто не имеет духовной опоры и поддается позорным предложениям самолюбия и самодовольства, оплакивает царь и пророк Давид: *Видех неразумеваящия и истаях*⁹.

Великим утверждением для нашей жизни служит изучение Писания. В особенности важно чтение повествований, в которых описывается брань подвижников, вознагражденных исполнением Божественных обетований. Кто жаждет спасения, должен неустанно изучать такие поучения, поскольку изменения к худшему, действуя с помощью иссушения сердца, а иногда и уныния, оказывают давление на наше благое расположение.

¹ 1 Кор. 6, 12.

² 1 Ин. 5, 19; Кол. 1, 21.

³ Притч. 4, 23.

⁴ Иер. 9, 21*.

⁵ Мф. 6, 27; Лк. 12, 25*.

⁶ Пс. 54, 23.

⁷ См. Прп. Никодим Святогорец, *Невидимая брань*, Москва, 2003, с. 298.

⁸ Пс. 106, 43*.

⁹ Пс. 118, 158.

ИЗМЕНЕНИЯ К ХУДШЕМУ

Только дар различения помыслов и рассудительность опытных подвижников в состоянии заметить изменения или, как их называют отцы, «превращения», которые являются опасным и вероломным соседом в особенности для нетвердых в подвижничестве и тех, кто только начинает мысленную битву невидимой брани.

Наша личность, раздробленная падением, стала неустойчивой и переменчивой, так что человек не может твердо держаться определенного настроения чувств и образа мыслей. На неустойчивый его характер влияют слова, мысли, обстоятельства, лица, образ питания, климат и вообще все, что с ним происходит. Ко всему этому не устает приплетаться бесовское злодейство, которое препятствует непоколебимости человеческих чувств. Весь этот лабиринт и называется изменением. Так заколдованный круг «противоестественных» изменений сводит на нет ревность подвижника и ослабляет его усердие.

Однако существуют и естественные изменения, вызываемые нашими собственными ошибками всякий раз, когда мы преступаем свои обязанности и заповеди. Если *всякое преступление и непослушание получает праведное воздаяние*¹, то, будучи судимы, наказываемся *от Господа*² и, естественно, лишаемся присутствия и действия Божественной благодати, которую огорчили своими преступными деяниями. Такое изменение, зависящее от нашей собственной вины, для исцеления нуждается в покаянии и смирении. Но первое изменение (от бесов), которое, как мы сказали, является противоестественным, требует полного безразличия по отношению к нему и горячей веры в Божественный промысел, который управляет нами и направляет нас. Как бы то ни было, избавиться от такого изменения не столь легко, если мы лишены воодушевляющей смелости и совета опытных подвижников, поскольку наш враг, диавол, извлекает из него (изменения) большую выгоду. В таком случае наши усилия состоят в Божественной ревности и усердии, которое является своего рода движущей силой. Зная об этой движущей силе, враг обращается против нее, чтобы обезоружить нас и таким образом ввергнуть в отчаяние.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ СОБЛЮДЕНИЕ ДУХОВНОГО РАСПОРЯДКА

Необходимым элементом борьбы с превращением и изменениями является строгий распорядок жизни, служащий необходимым требованием для покаяния. Упорядоченность жизни рождает навык, и этот навык избавляет от непосильного труда. Тогда, благодаря строгости распорядка, легче удержать рвение, избежать бесцельной траты сил. Таким образом безусловный долг покаяния не встречает препятствий на пути своего исполнения. Если до падения, когда личность человека была неповрежденной, уже были даны заповеди, точно упорядочивавшие жизнь, то насколько же более необходимо следовать определенному распорядку уже после падения и крушения?

Разумно заимствуя от суток то время, которое целиком, без меры тратится на ничтожные потребности нашего биологического существа, мы посвящаем его исполнению необходимых для души предписаний и таким образом, согласно Писанию, покоряемся нашей непрременной обязанности, воздавая *кесарево кесарю и Божие Богу*³. Мы заботимся о поддержании биологических процессов своего организма только потому, что умрем, если откажемся делать это. Но почему же мы так безучастны к нашим духовным обязанностям, где и опасность ужаснее, и вред будет непоправим? Если мы отведем для своей души хотя бы малую часть дня, это будет источником успеха в той борьбе, которая даст нам спасение, соединение с Богом и наследие Божественных обетований.

¹ Евр. 2, 2*.

² 1 Кор. 11, 32.

³ Мф. 22, 21*.

Безусловно, добровольное планирование своей жизни не является Божественным законоположением, но неким требованием внимания. Опыт требует от нас не поддаваться увлечению противоестественным, которое вызывает в нас устройство окружающего мира. Но там, где жизнь подчиняется распорядку, всегда обнаруживается наша зависимость от Бога, которая служит совершенным доказательством того, что мы — верные христиане. Таким образом Божественная благодать пребывает среди нас, и только так, по словам апостола Павла, *все могу в укрепляющем меня Христе*¹.

Важнейшая часть распорядка духовной жизни — регулярная молитва. Молитва перед сном и перед началом всякого дела является необходимым условием христианского делания, особенно для тех, кто живет в миру. Затем наступает время сосредоточенности в себе, когда мы раскрываем качество нашей внутренней жизни и принимаем новые решения, чтобы исправить тот вред, который был нам причинен, или для того, чтобы получить дополнительную пользу, руководствуясь нашим предыдущим опытом.

Необходимо также изучение духовных сочинений святых и известных писателей, опыт которых запечатлен и доказан через последующее их освящение и прославление. По нашим грехам Бог сегодня попустил недостаток в опытных святых мужах. *Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних*². Поучение в духовных писаниях становится обязанностью, восполняющей наше неведение и неопытность среди моря извращенных и сатанинских провокационных идей, которые совращают не только тех, кто находится вне Церкви, но и верных христиан. Откровение не зря уведомляет нас, что в эти последние времена, *если возможно, прельстят и избранных*³.

СМИРЕНИЕ И САМОУКОРЕНИЕ

Спасительный способ противостояния страстям, как плотским, так и душевным, — усердное самоукорение. Оно способствует самопознанию и смирению, ослабляет натиск приражений, откуда бы они ни происходили. *Смирись, и спасе мя Господь*⁴, говорит Писание, потому что, действительно, *Бог смиренным дает благодать*⁵.

Любой прилог всеобъемлющей противоестественности, от бесов ли он или от страстей, исходит прежде всего от нашего собственного попустительства, которому способствует самолюбие. Итогом этого становится порабощение человеческой свободы. Тогда мгновенно рушится смиренномудрие, подготовленное самоукорением, и это должно быть хорошо известно делателям покаяния.

Более крепкого оружия против диавола, чем смирение, не существует. Многим из видов и средств деятельной покаянной жизни диавол умеет подражать или просто пренебрегает ими. Только смиренномудрия и деятельного подвижничества он страшится и избегает. Кроме того, смиренному человеку проще осмыслить свои недостатки и ошибки, которые точно свидетельствуют об его истинном внутреннем облике.

Греховность заключается не только в преступлении и бесчестии, которым человек приписывает свою вину. Увы! Это — всего лишь скотство и беснование. В истинном же христианине грехом и виной считается недостаток освящения, потому что с момента своего создания мы обладаем естественным богоподобием, а после воплощения Бога Слова возшли еще выше, поскольку *тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими*⁶. В то же время, если бы мы не унаследовали от Господа святости, то как же Он мог бы призывать нас: *сами будьте святы* потому, что Отец наш свят есть?⁷ А какой

¹ Флп. 4, 13.

² Ам. 8, 11.

³ Мф. 24, 22*.

⁴ Пс. 114, 5*.

⁵ Иак. 4, 6*.

⁶ Ин. 1, 12.

⁷ Лев. 11, 44; 1 Пет. 1, 15.

иной смысл, если не мысль о нашем полном богочеловечестве, несет в себе утешительное, превышающее всякое достоинство и всякую славу, слово Господа (одно только напоминание о нем потрясает даже каменное сердце), с которым Иисус обращается к собезначальному Отцу: *Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе*¹, *да будут едины, как Мы едино*².

Недостаток этого достоинства и отсутствие таковых переживаний являются причиной, самым источником скорби и страдания. Однако тому, кто желает спастись и воскреснуть, подобает скорбеть, а не списывать свою вину на это тело смерти, разлагающееся, скотское, одержимое бесами.

Божественные обетования — не утопия, не отвлеченная теория или баснословие. Они исполнились в веках и в наше время продолжают награждать учеников Христовых и достойных делателей покаяния, постоянно подтверждающих истинность отеческого завета. Таковые послушники заповеди — как подлинны сыновья — через освящение таинственно наследуют черты боговидности их Небесного Отца.

Господь сетует на нашу бездеятельность и равнодушие: *Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает*³.

Даруй же нам, о Всеблагий Владыка, Твое Божественное просвещение и страх Твой, дабы всегда только с Тобой мы собирали, хранили и соблюдали, и никогда — сами по себе!

Поскольку мы хотим принадлежать Богу, от нас требуется духовная война и внимание. Таким образом мы никогда не сможем из-за грехов и страстей предать свое разумное состояние и положение, как Иуда явно предал Господа, и не отречемся, как апостол Петр. Отречение от своего разумного естества и образа мыслей случается, когда мы — из-за трусости или страха — пренебрегаем своим долгом в отношении добродетели. Конец всякой скорби и печали — радость, всякого труда — отдохновение, любого бесчестия — честь и слава. И вообще, конец и итог всех тяжелых трудов добродетели состоит в том, чтобы мы соединились с Богом и неразрывно с Ним пребывали. Человеколюбивейший Бог стал человеком, чтобы преобразить наше естество и Самому соединиться с ним, поскольку падение исказило природу человека настолько, что она не повинует даже самой себе и по отношению к окружающему миру неустойчива.

Богомудрые отцы побуждают нас напомнить всем боголюбивым и трудолюбивым людям вот еще о чем: им не следует пренебрегать какой-либо страстью, если она еще не искоренена. Ведь бывает, что они уже пренебрегают ею, как незначительной, в то время как враг наш диавол, который насадил эту страсть, удерживает ее в качестве залога и не замедлит вернуть все прочие страсти, выкорчеванные из души с таким трудом. Именно это и подразумевает Господь, говоря: *идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего*⁴. Пренебрежение борьбой со страстью или утвердившейся привычкой в некотором смысле является одним из видов предательства. Враг, удерживая страсть в качестве залога, не смущаясь нападает на нас. Но и сам подвижающийся не может тогда сражаться со всем дерзновением, потому что *кто кем побежден, тот тому и раб*⁵, а раб лишен той свободы, которая дает ему и дерзновение в битве, и способность к противостоянию.

Иным бичом и чрезвычайно труднопреодолимым препятствием для подвижающихся служит дурная привычка многословия. Хотя ее часто рассматривают как несущественное прегрешение, в действительности она имеет пагубные последствия. Не чувствуя этого, многословный человек впадает в неразумное пустословие, осуждение, ложь, иронию по отношению к ближнему, бахвальство, колкости, а то и в сквернословие, которое унижает человеческую личность и совершенно лишает ее Божественной ревности и благодати. Справедливо

¹ Ин. 17, 21.

² Там же.

³ Мф. 12, 30.

⁴ Ин. 14, 30.

⁵ 2 Пет. 2, 19.

пишут, что *при многословии не миновать греха*¹. Не мешает вспомнить и Господне речение, в котором выражается осуждение *праздного слова*².

Первым правилом для нашей духовной деятельности и приложения наших усилий должно быть искоренение и уничтожение страстей и дурного навыка. Второй подвиг — стяжание добродетелей и доброй привычки, благодаря которой мы могли бы неустанно и почти без усилия везде, всегда, при любых обстоятельствах творить добро. Таким образом мы можем проявить свободную и владычественную природу своей личности «во Христе», восприняв от Него Божественное сродство, дабы свободно войти в сыновнее достоинство при посредстве Его благодати.

¹ Притч. 10, 19.

² Мф. 12, 36*.

УНЫНИЕ — НАШ КОВАРНЫЙ ВРАГ

Господь не оставляет нас в неведении о том, какого человека можно назвать действительно любящим Его: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня*¹. *Не любящий Меня не соблюдает слов Моих*². Итак, соблюдение заповедей скрепляет печатью нашу любовь ко Христу. Оно проявляется в настойчивом отказе от страстных дел и мыслей. Это также отвержение всего противоестественного, отказ от жизни по природному закону, отказ от «ветхого человека», который представляет собой всецелое искажение личности, некогда заключавшей в себе первозданную красоту, сотворенную *по образу и подобию*³.

Если целью нашего сотворения является исполнение той задачи, чтобы вселился в нас Бог и пребывал с нами, и стал для нас Отцом, а мы для Него — сынами и дочерьми⁴, то каково же должно быть внутреннее устройство и все наши действия? Поскольку мы не можем соответствовать изначальной цели, давайте хотя бы сдерживать себя покаянием, кое даровала нам Божественная Всеблагость, дабы мы восстановили относительное равновесие.

Итак, соблюдение заповедей как некое законоположение является не властным требованием Господа к верным Ему людям, но жизненной необходимостью для болеющих и близких к смерти, тех, кто имеют нужду в выздоровлении и исцелении. Если, согласно Писанию, *душа согрешающая умрет*⁵ и в то тело, где обитает грех, Бог не войдет⁶, то исполнение заповедей неизбежно становится обязательным для человека как непереносимое средство ко спасению.

Очень часто мы слышим наивнейшее суждение: «Но ведь я никого не убил, чтобы быть виновным!». О, последняя степень испорченности! Вина человека, который был создан *по образу и подобию Божию*⁷, не только в преступлении. Преступление — лишь предел скотоподобия. Но и отказ вести добродетельную жизнь считается провинностью. *Итак, кто разумеет делать добро и не делает, тому грех*⁸.

Успешным способом исполнения заповедей является, во-первых, деятельное противостояние лукавым привычкам и страстям, приобретенным нами в предшествующей нерадивой жизни, и, во-вторых, отделение от причин и источников, которые подталкивают нас ко греху и вместе с которыми нам навязывает свою волю греховный навык. На этом способе настаивают и святые отцы, как опытные знатоки духовного преуспевания в подобном противостоянии. *Итак, наступил уже час пробудиться нам от сна*⁹, ибо древнее прошло, теперь все новое¹⁰.

Господь говорит: *где Я, там и слуга Мой будет*¹¹, и снова: *Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает*¹². Вселукавый и хитроумный враг наш диавол воюет по продуманному и целенаправленному плану. Большая часть людей находится в неведении относительно сего коварного способа брани и битвы. Помимо неисчислимых способов и видов прелести и обмана, которые лукавый в своем безграничном злонравии выставляет «ошую», он не перестает нападать и «одесную».

¹ Ин. 14, 21.

² Ин. 14, 24.

³ Быт. 1, 26*.

⁴ Лев. 26, 12; 2 Кор. 6, 16-18.

⁵ Иез. 18, 20*.

⁶ Ср.: Василий Великий, *Письмо* 8, 12, 22.

⁷ Быт. 1, 26*.

⁸ Иак. 4, 17.

⁹ Рим. 13, 11.

¹⁰ 2 Кор. 5, 17.

¹¹ Ин. 12, 26.

¹² Мф. 12, 30.

В настоящее время прекрасным оружием в его руках является губительная печаль, ведущая к разочарованию, а не к надежде и мужеству, подобающему всем верующим, живущим с благодатью и верой. Разочарование, если таковое не пресекается и заходит далеко, становится отчаянием и безнадежностью. Это предел тяжести человеческого горя, предел гибели и разрушения, до которого мы дошли после падения.

Почти непреложным законом человеческой низменности служит превратность и возникшая по причине падения изменчивость. Мысль человека беспрерывно претерпевает обращение и изменение «к худшему», и, стало быть, никто не бывает исключением, *пусть бы жизнь его длилась и один день*. Вселукавый враг и наш мстительный преследователь затаился в этом пункте, как в коварной засаде.

С благим намерением угодить Богу мы «подписываем договор» о правилах всей нашей жизни. Однако господствующие страсти, навыки, среда и особенно бесконечность этой брани вызывают падения до тех пор, пока существуют эти злобные соседи наши — изменения.

Эта болезнь уныния имеет как естественные подспорья, так и приобретенные, причина коих — зависть диавола. Естественно, что отчаяние возникает после того, как человек совершит ошибку или проступок, подобно тому, как боль появляется после травмы или как тень всегда следует за телом. Диавол же стремится с помощью такого оружия совершенно нейтрализовать дух человека после его проступка. И вот почему: вся активность человека заключаются в его рвении и усердии. Усердие является движущей силой всей практической деятельности. Господь весьма ясно сообщает нам: *Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи*¹ *Опоясывание чресел и светильники горящи* символизируют это усердие. Если мы обладаем им и оно действует в нас, то непременно поддерживает всю тяжесть изнурительного труда по исполнению двойной обязанности: битвы со страстями, этим всеобщим злом, и исполнения Божественных заповедей. Наш враг, зная великую важность сего средства к преуспеянию, постоянно печется о том, чтобы сделать нас бездеятельными и обезоружить в борьбе против него. С помощью уныния и разочарования враг нападает на ревностное усердие, от которого зависит само намерение человека и твердость его в принятом решении, и уничтожает его. Таким образом, человек вынужден вступить в битву без правил. Естественные факторы влияют на нас сильнее, чем сатанинские приражения, которые по большей части достаются на долю тех, кто уже достиг успеха в добродетели и приобрел некоторый опыт.

Видите ли, изначальное повреждение нашей природы, причиненное ей после преслушания первозданных сотворенных людей, заключалось в страхе и нерешительности, рождающих уныние. Наши отцы, будучи опытными в умной брани, ясно раскрывают нам секреты войны с врагом. Поскольку непогрешимой жизни на деле не существует, покаяние остается постоянной обязанностью. Необходимым правилом для покаяния является полное осознание всех деталей происходящей борьбы. Для того чтобы человек преуспел в деле покаяния, необходимо любой ценой изгнать уныние, чтобы теплота Божественной ревности пребывала с ним неизменно. Она придает нам дерзновение, с помощью которого мы можем одержать победу.

Давайте объясним вкратце, что такое Божественная ревность и насколько ее действие помогает нам.

Господь говорит в Своем Евангелии: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!*² Тот огонь, который Господь возжег, явившись среди нас, — это Божественная ревность, побуждающая к соблюдению Божественных заповедей, в чем и состоит наш христианский долг. Сия Божественная ревность и теплота благоговения рожают в нас страх Божий, а страх рождает первоначальную веру, ведущую к богопознанию. Элементом, который не только поддерживает, но и умножает Божественную ревность, явля-

¹ Лк. 12, 35.

² Лк. 12, 49.

ется строгий суд совести и сколь возможно более точное соблюдение Божественных заповедей.

Тот, кто держится такого порядка в своем христианском житии, заставляет Божественную ревность не только подолгу оставаться в душе, но и умножаться в ней, по Божественному речению: *слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей*¹. Как мы упомянули выше, сие горячее благоговение, будучи действием Божественной ревности, поднимает на себя всю тяжесть труда многообразного подвижничества, и таким образом подвижник с охотой выполняет свои обязанности, если даже они в действительности утомительны. В этом заключается причина, по которой многочисленные герои веры с легкостью вели жестокие и безжалостные битвы во имя благочестия, как кровопролитные, так и бескровные.

Итак, кто желает подвизаться законно благодатию Христовой, пусть не разлучается с блаженной ревностью, только тогда успех его будет надежным и действительным.

Вселукавый враг, зная о важности и пользе Божественной ревности, стремится планомерно вытеснять ее и хитроумно ввергает в уныние всех подвижающихся. Отцы по этому поводу приводят следующий пример: подобно тому, как охотник стремится поразить свою добычу в голову, чтобы сразу убить ее, диавол бьет по готовности, по Божественной ревности, которая в подвижнической жизни играет роль главы, и так разом уничтожает свою жертву. После разочарования подвижник предается бездействию и нерадению, и вся цепь покаяния остается без дела.

Диавол разнообразными способами коварно обольщает людей, чтобы те согрешили, и при этом скрывает тяжесть ответственности и вины до тех пор, пока окончательно не увлечет их. После же он преувеличивает случившееся, представляя малое огромным.

После нашего проступка диавол восстает как вершитель правосудия и дерзко угрожает нам, будто бы порицая отступничество и измену. Сколь отвратительна сцена, когда глубинный дракон погибели, главный творец всякого отступничества и отречения, предел мрака и погибели, судит сынов Божиих, словно преступников, обреченных на осуждение, и выносит им приговор, как если бы сам был непогрешимым!

В действительности *здесь мудрость*² и разумение. Господь сообщает нам в Божественном Откровении: *живу Я, не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был*³. *Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих*⁴. Посему закроем уши наши для лаяния погибельного чудовища лжи, которое вызывает уныние, и восстанем из гроба греха и отчаяния еще более ревностными со всеобъемлющей верой и надеждой на Сладчайшего нашего Спасителя и Избавителя. С благим дерзновением продолжим дело покаяния и избежим посягательств врага. Знайте и помните, лживые насильники, что *с нами Бог! Аще бо паки возможете, паки побеждени будете, и иже аще совет советуете, разорит Господь, и слово, еже аще возлагаете, не пребудет в вас. Страха же вашего не убоимся ниже возматемся, яко с нами Бог!*⁵

Здесь необходимо сугубое внимание, потому что обманщик извлекает немалую выгоду благодаря нашей неопытности, чтобы не сказать нерадению. В особенности духовные руководители обязаны оберегать своих чад от этих коварных ловушек.

Конечно же, благодать Божия является полной и совершенной, но человеческая немощь и тяжела, и непрерывна. Следовательно, приобретение свободы и духовного воскресения является длительным процессом и требует терпения и твердости решения. Это и подчер-

¹ Пс. 118, 105.

² Откп. 13, 18.

³ Иез. 33, 11*.

⁴ Мф. 18, 14.

⁵ Ис. 8, 12.

кивает Господь, когда говорит: *претерпевший же до конца спасется¹, терпением вашим спасайте души ваши²*.

Если мы располагаем стольким временем для приобретения опыта в искусных приемах и делах и вообще для познания мирской тщеты, то разве не нужно времени для полного изменения развращенного характера и утвердившегося в течение всей жизни навыка, чтобы быть перенесенным в богообразное и вышеестественное состояние освящения, которое является уделом и местом чад Божиих?

Кто благочестиво подвизается ради своего спасения и с помощью благодати безропотно достигает конца духовного пути, те благодарят Божественную Всеблагодать. Хотя они несомненно наследуют спасение, но часто такие люди не распознают в этой жизни признаков освящения, ведомых одному всеспасительному Господню Промыслу. Это ожидает их в будущем воздаянии согласно неложному Божественному обетованию: *кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил³*. Мы поступаем «по вере, а не по виду», не приобретаем духовных благ за материальные ценности. Мы верим в Бога и Спасителя, но не покупаем себе спасения. Повинуясь спасительным заповедям, мы ожидаем награды, как сыновнего наследия. И здесь нет никакой количественной оценки проделанной работы или срока, когда она была завершена, а только деяние Отеческой любви, награждающей возлюбленных чад. И первые, и средние, и последние одинаково наследуют Отцово Царство⁴.

Тем же, кто легко унывает, мы хотим показать, что они должны быть осмотрительны, то есть не убегать «без преследующего» и не бояться там, где нечего бояться. Дерзновение, которое в нашей душе начертывает боголепная ревность, составляет всю движущую силу подвижнического жития. С ее помощью мы принимаем решения, противостоим врагу, подвизаемся и исповедуем веру. Враг, зная об этом секрете, старается планомерно уничтожить столь полезную силу — дерзновение, чтобы человек сдался ему безоговорочно, как жертва.

Что еще означает выражение «если падешь, восстань и спасешься», если не отказ от уныния? Когда человек подвизается, ему естественно допускать проступки, вызванные столь многочисленными неблагоприятными обстоятельствами или же собственной неопытностью. Проступок еще не означает ни виновности, ни предательства. Он — жестокая природа вещей, с которой сталкивается обучающийся духовной жизни до тех пор, пока не получит «диплома».

И потом, Сам наш «Работодатель» и Господин, в Чьем винограднике мы трудимся, есть не кто иной, как Отец и Спаситель, Который клянется Именем Своим в нашем спасении и вызывает на Небесах веселие о нашем возвращении и раскаянии. Итак, никогда не следует допускать уныния, сколько бы его ни оправдывали обстоятельства. Мы не принимаем диавола в качестве посредника между нами и Богом или в роли своего «адвоката». Провинились мы перед Богом? — в Боге же и оправдаемся, ибо Сам Он дает каяться в прегрешениях *семьдесят раз по семь⁵*, то есть бесконечное число раз.

Воюя с разочарованием, мы не имеем в виду безразличие и бесстыдство по отношению к священной битве покаяния. Надлежит отличать различные формы человеческой немощи и лабиринт дурных перемен, неусыпно нападающих на нас, от коварства врага, который добивается полного поражения своей жертвы, так как отчаяние равносильно самоубийству. Бесчисленные примеры, содержащиеся как в Священном Писании, так и в повествованиях святых отцов, убеждают нас не только в безграничной благодати и человеколюбии Бога и Отца, но и в коварстве и лукавстве сатаны, который преувеличивает и раздувает обстоятельства, чтобы заставить человека унывать.

¹ Мф. 10, 22.

² Лк. 21, 19.

³ Рим. 8, 30.

⁴ Мф. 20, 1-16.

⁵ Мф. 18, 22*.

Глава отцов наших, авва Исайя¹, подчеркивая важность благого дерзновения и смелости в Боге, записал для нас следующее замечательное изречение: «Сила желающих стяжать добродетели такова, что если бы они и пали, то не малодушествовали бы, а снова возымали заботу [о добродетелях]». В союзе с помощью Божией мужественное сердце служит помощником для души, подобно тому как и уныние (нерадивость) является помощником во всяком зле.

Опытные Отцы обращают наше внимание на то, что нам не следует с легкостью уступать унынию, сколь бы благовидными предложениями ни прикрывалось это чувство. В самом деле, разве изменилось отношение к нам и расположение Спасителя Иисуса Христа?

Ведь мы не думали от Него отречься и не обманули Его, в то время как Он возлюбил нас. *Ведающий вся прежде их*² знал каждого из тех, кого создал и призвал, или, вернее, привлек к Себе. *Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня*³. Итак, если Господь привлек нас к Божественному познанию и подчинению, значит, для нас уготовано место в Божественных предначертаниях, коими предусмотрено и исполнение Его нерушимых и Божественных обетований.

Вселукавый диавол клеймит оплошности и ошибки, которые мы совершаем по причине нашей немощи и неопытности в период становления, когда *невозможно не прийти соблазнам*⁴.

Так откуда же у беглеца с небес, лукавейшего раба, падшего и сокрушенного, взялась власть «адвоката» и судии? Отцы воодушевляют нас: «Сколько бы раз ты ни пал, вставай и спасешься». Итак, откуда проклятое уныние взяло себе власть унижать нас и препятствовать нашему продвижению вперед? Если человек по невнимательности доверится своему унынию, враг сразу же раздувает его до разочарования, а затем доводит до проклятого и губительного отчаяния, которое для нас равносильно «обезглавливанию» и является крайней степенью торжества вселукавого врага, который предстает перед нами как непогрешимый и беспристрастный судия! И это он-то, погибельное чудовище!

Мы, конечно, не можем подробно описать все мрачные хитросплетения деятельности лукавого, с помощью которых тот стремится привести нас к отчаянию и тем самым отклонить от пути покаяния. В этих скромных заметках мы хотим убедить достойных делателей покаяния никогда не принимать уныния ни в каком виде, в чем бы оно ни выражалось, пусть даже причина его в явном падении на поприще «невидимой брани». «Пред Богом согрешили, пред Богом и оправдываемся», поскольку Господь дал апостолам наказ прощать не *семь раз*, но *семьдесят раз по семь*⁵ и Сам прощает виновных. Никто не должен гасить пламени Божественной ревности, которая является движущей силой на поприще покаяния и вершиной нашего боголюбивого жития и времяпрепровождения.

Пусть с похвальной храбростью продолжается мученический путь покаяния, а лукавый диавол, который берется витийствовать о нашей виновности, должен быть с гневом отвергнут. *Кровь Иисуса Христа, Сына Его (Бога), очищает нас от всякого греха*⁶. Милостью и благодатью Христовой мы *спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар*⁷. Какой же наш недостаток изобличает отчаяние, всеваемое лукавым? *Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости*⁸. Ходящие верою, а не видением⁹, мы ожидаем своего спасения от человеколюбия Христова, а не как результат «освобождения за вы-

¹ Прп. Исайя († 370), отшельник из египетской пустыни Скеф (Σκέφς).

² Дан. 13, 42*.

³ Ин. 6, 44.

⁴ Лк. 17, 1.

⁵ Мф. 18, 22*.

⁶ 1 Ин. 1, 7.

⁷ Еф. 2, 8.

⁸ Тит. 3, 5.

⁹ 2 Кор. 5, 7.

куп», который отчаяние представляет нам как недостаточный. А самое главное, что диавол строит из себя сурового и будто бы безгрешного судию!

Все святые без исключения через веру достигли успеха на поприще подвижничества, но не совершали добрых дел для «покупки» спасения. Мы признаем, что несем ответственность за соблюдение заповедей, за точность исповеди, и никогда от этого не отказывались, твердо стоя на своем. Мы не забываем о немощности нашей природы, о размахе негативных изменений, диавольской зловредности и лукавстве, кои, словно закон тяготения, влекут человека вниз. Если и случается, что эти многообразные обстоятельства препятствуют на нашем пути, это не считается поражением, предательством или отступлением. Такова природа вещей, которую, как наказание, налагает на нас время изгнания в этой жизни до тех пор, пока Божественная благодать, благодаря нашему терпению и Божественной Всеблагости Спасителя, не избавит нас. Ведь одним из основных принципов нашей веры является «чаяние воскресения мертвых и жизни будущего века». Священное изречение сообщает, что *если бы жизнь наша длилась один день*, мы бы все равно не были свободны от какой-либо вины. Эта мысль отражает всякий прилог уныния.

Как Писание, так и святые отцы многими примерами поддерживают нас в вере и надежде на Божественную Всеблагость, которую Господь со Своею Плотию — Церковью — предоставляет всем кающимся. Пример Манассии, царя Иудейского, чья покаянная молитва читается во время Великого Повечерия, может служить лучшим средством утешения для всякого грешника какого угодно возраста и состояния¹.

¹ 2 Пар. (прил.)

ЗАНЯТИЕ УМНОЙ МОЛИТВОЙ В МИРУ

У многих людей возникает вопрос: могут ли христиане, находящиеся в миру, заниматься умной молитвой? Я отвечаю на него утвердительно: да! Желая сделать смысл своего увещевания понятным для людей заинтересованных, но не обладающих необходимыми познаниями, я вкратце объясню суть дела, чтобы они не смущались из-за того, что порой можно встретить несходные толкования и определения умной молитвы.

Вообще говоря, молитва является единственно обязательной и необходимой работой для всякой мыслящей, чувствующей и разумной (человеческой и ангельской) природы. Поэтому апостол и предписывает непрестанно молиться¹.

Не существует строгого деления молитвы на виды и способы. Согласно Отцам, каждый ее вид и способ является полезным, лишь бы в нем не было никакой дьявольской прелести и искушения.

Цель сего добродетельного делания — обращать ум человека к горнему и удерживать его в Боге. Для этой цели Отцы придумали достаточно удобные способы и упростили процесс молитвы, так что ум с большей простотой и целенаправленностью обращается к Богу и пребывает в Нем. В иных добродетелях принимают участие также другие члены и чувства человека, в то время как в блаженной молитве ум целиком и полностью действует самостоятельно. Следовательно, требуется всецелая устремленность к тому, чтобы занимать работой и удерживать его, дабы молитва приносила плоды и была принята Богом.

Святейшие Отцы наши, всецело возлюбившие Бога, главной своей заботой считали соединение с Богом и постоянное пребывание с Ним, и потому обращали все свое старание к молитве, как наиболее совершенному средству достижения этой цели.

Мы не будем упоминать здесь о других способах молитвы, которые известны и приличны всем христианам, кроме только так называемой *умной молитвы*. Этот предмет относится к числу наиболее актуальных для благочестивых верующих, поскольку часто об умной молитве не знают, дают ей неверные истолкования и такие описания, которые скорее можно назвать *фантастическими*.

Предоставим Отцам рассказать о том, каким образом можно строго следовать по пути этой боготворящей добродетели и каковы ее результаты, от очищения души вплоть до освящения, к которому она нас ведет. Я же, недостойный, скажу ровно столько, сколько достаточно для того, чтобы дать необходимые пояснения нашим братьям, живущим в миру, и убедить их ею заняться.

Отцы называют такую молитву «умной», ибо она совершается в уме. Называют ее и «трезвением», что означает то же самое. Отцы определяют ум человека как некую свободную и увлеченную познанием сущность, которая не позволяет себя ограничить и которую нельзя надолго убедить в том, что чего-то она не может постигнуть самостоятельно. Поэтому они прежде всего составили только самую простую молитву из нескольких слов — «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — чтобы ее можно было удерживать, не прилагая больших усилий ума. Во-вторых, они обратили ум вовнутрь, в самый центр нашей разумной личности. Тому, кто недвижно пребывает там с мыслью, содержащей в себе призывание сладчайшего имени Господа нашего Иисуса, предстоит ощутить Божественное утешение ценой наименьших возможных усилий.

По словам святых Отцов, Всеблагий Владыка Христос, если призывать Его постоянно и усердно, не может не внять мольбам и не явиться подвижнику. Ведь и Сам Он так сильно желает спасения человеков!

Однако как естественная добродетель, которой мы желаем достигнуть, нуждается в подобающих средствах, точно так же и священное делание молитвы складывается из ряда необходимых элементов. Требуется определенное уединение, беззаботность, бегство от по-

¹ 1 Фес. 5, 17.

требности знать происходящие в мире события и толковать их, — это называется у отцов «дать кровь и получить дух», — всяческое воздержание вообще и происходящая от него привычка к безмолвию. Кроме того, необходимы упорный труд и навык, каковые, как я полагаю, вполне достижимы для благоговейных людей, которых интересует сие священнейшее делание. Исполнение молитвы в некий, всегда приблизительно тот же самый, временной промежуток дня будет для этого прекрасным началом.

Мы, конечно, подчеркнули упорство как один из самых необходимых элементов молитвы. Не зря и апостол Павел выделяет его в своей речи: будьте *постоянны в молитве*¹. В отличие от остальных добродетелей, молитва нуждается в особом старании на протяжении всей нашей жизни, и поэтому я напоминаю всем, кто трудится на этом святом поприще, чтобы они не изнемогали и не считали необходимость терпеливого ожидания неудачей.

Вначале, когда мы встречаемся с затруднением и внутренним сопротивлением, необходимо произносить молитву шепотом или немного громче. Когда же у нас сформируется добрый навык, так что сможем с легкостью удерживать молитву и произносить ее, можно будет обратиться и внутрь себя, прибегнув к полному внешнему молчанию. Прекрасный пример для начинающих содержится в первой части книги «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу». Итак, благое усердие и постоянное старательное упражнение с одними и теми же словами молитвы, вместо того чтобы часто менять их, должны породить сей благой навык, который принесет потом способность удерживать ум в сердце. Тогда обнаружится и присутствие благодати.

Как всякая добродетель уготовляет некий результат, так и молитва в качестве результата дает очищение ума и просвещение и потом достигает предельного, совершенного блага — единения с Богом, то есть *обожения*. Однако отцы говорят еще и следующее: всякому человеку необходимо искать дорогу, ведущую в город, и стремиться выйти на нее; но если он даже не достигнет конца пути, не успев по каким-то причинам, Бог все же причислит его к тем, кто дошел.

Все мы, христиане, должны подвизаться в молитве, особенно в так называемой «одно-сложной», или «умной» молитве. Кто достигнет такой молитвы, тот обретет великое благо.

Когда в сердце присутствует молитва, человек не впадает в искушение, которое всегда выжидает удобного момента, потому что само присутствие молитвы — и есть трезвение, а суть молитвы — обращение к Богу, следовательно, «бдящий и молящийся не впадает в искушение»². Следовательно, молящийся человек не предается мраку, чтобы, сделавшись неразумным, совершать ошибки в своих суждениях и решениях, не впадает в леность и небрежение, которые являются основой всех зол. И опять-таки, страсти и немощи не побеждают молитвенника, даже если предлоги для таковых налицо. Напротив, его ревность и благоговение возрастают, он приобретает готовность к добрым делам, становится кротким и незлопаметным, каждодневно возрастает его вера и любовь ко Христу, что побуждает к достижению всех добродетелей. Можно привести много примеров современных людей, в частности молодых людей, которые посредством прекрасной привычки к молитве спаслись от страшных несчастий или даже смертельных опасностей, избежав впадения в великие грехи.

Следовательно, следует еще раз повторить: молитва есть долг каждого верующего всякого возраста, пола и положения, независимо от того, где, когда и каким образом она произносится. Молитва всегда одна и та же и всегда становится для всех тем, что им необходимо и что их увлекает, дабы, согласно Писанию, *всякий, призывающий имя Господне, спасся*³.

Угрозы прелести, о которой распространяются некоторые неопытные люди, не существует, если только молитва произносится в простоте и смирении. Всякий раз, когда мы творим молитву, необходимо, чтобы в уме молящегося не было никакого зрительного образа, даже Владыки Христа в каком бы то ни было виде, либо Госпожи Богородицы, или какого-либо

¹ Кол. 4, 2.

² Мф. 26, 41*.

³ Иоил. 2, 32*.

другого лица или картины. Представление зрительного образа рассеивает ум. Больше того, вместе с видимым образом открывается вход помыслам и прелести. Ум человека должен пребывать в постижении слов молитвы, а сам человек — со всяческим смирением ожидать Божественной милости. Возможные при этом мечтания, светы, движения, стуки, шумы не следует принимать, считая их диавольскими ухищрениями для того, чтобы помешать нам или прельстить нас.

Признаком пришествия благодати в начинающих является духовная радость и тихие, приятные слезы или страх от воспоминания своих грехов, приносящий в душу мир, чтобы увеличить благу скорбь и сетование. При духовном возрастании благодать становится ощущением любви Христовой, когда парение ума совершенно исчезает, а сердце согревается в любви Божией настолько, что подвижник считает невозможным выдержать подобное еще раз, но в то же время помышляет и желает постоянно пребывать именно в таком состоянии, так, чтобы не видеть и не слышать ничего другого.

Все эти, да и разные другие, формы восприятия и утешения служат вводными ступенями для тех, кто стремится произносить и удерживать молитву, насколько это от них зависит, и вообще, насколько они это могут.

Мне представляется, что все вышеизложенное вполне ясно и просто, так что любой православный человек, то есть крещеный и обладающий верой, может осуществить все это и достичь сего духовного веселия и радости, в то же время обладая во всех своих действиях и предприятиях Божественным покровом и помощью

Еще раз напомним свое увещание ко всем, кто любит Бога и заботится о своем спасении. Пусть они, не медля, испытают это прекрасное делание и обыкновение, и тогда не найдется у них слов, чтобы возблагодарить Бога за Его милость, которую Он оказывает всем, хотя бы немного потрудившимся в этом делании. Я говорю так для того, чтобы таковые люди возымели дерзновение и не смущались, не малодушествовали, когда столкнутся с небольшим сопротивлением или утомлением. У современных старцев, с которыми я общался, в миру было много учеников, мужчин и женщин, состоящих в браке и безбрачных, которые от состояния новоначальных, при содействии благодати и по благоутробию Христову, возшли на более высокую ступень, *ибо легко в очах Господа — скоро и внезапно обогатить бедного*¹. Поэтому я уверен, что нет более простого, легкого и почти для всех достижимого духовного искусства, чем эта короткая молитва «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», приносящая столь разнообразную пользу и преуспевание в современной житейской неразберихе среди великого смущения, отказа от духовной жизни и неверия. Даже когда человек сидит, движется, делает что-то или, еще не встав, находится в кровати, и вообще, где бы он ни был, что бы ни делал, — ему надлежит произносить сию коротенькую молитву. Она содержит в себе и исповедание веры, и призывание Бога, и покаянное воздыхание, и надежду, — позволяя ценой малого труда и незначительных усилий исполнить вселенскую заповедь *непрестанно молитесь* и достичь результатов такого исполнения во всем их необъятном величии.

К какому бы слову наших Отцов или дивным их житиям мы ни обратились, почти никогда не столкнемся с тем, чтобы какая-то иная добродетель удостоилась подобных похвал, чтобы ее с таким терпением и ревностью воплощали в жизнь, как если бы она одна заключала в себе сильнейшее средство к преуспеванию во Христе.

Замечу, что я здесь не ставлю себе задачей превознести до небес или расписать сию царицу добродетелей, поскольку, что бы я ни сказал, я скорее принижу ее достоинства. Цель моя — побудить и воодушевить каждого верующего к деланию молитвы, чтобы каждый впоследствии учился на собственном опыте, ибо я сказал о молитве очень мало.

Итак, придите все недоумевающие, разочарованные, опечаленные, пребывающие в неведении, маловеры и все, кто претерпевает различные искушения! Придите к утешению

¹ Сир. 11, 21.

и избавлению от ваших нужд! Сладчайший Иисус Христос, Жизнь наша, возвещает нам: *без Меня не можете делать ничего*¹.

Так вот, когда мы постоянно призываем Господа, не можем остаться в одиночестве, и, следовательно, с помощью Его способны или будем способны осуществить все. Вот правильный смысл и применение важного слова Писания: *призови Меня в день скорби твоей и спасу ты*². И не только *в день скорби*, но и постоянно, каждый день мы должны призывать святое Имя Его, дабы удостоиться духовного просвещения, стать более ревностными и таким образом избавиться от угрозы искушений. Если же кто-то желает достичь большей высоты, куда влечет его всесвятая благодать, пусть опять-таки пройдет через этот подготовительный этап. Когда же он достигнет надлежащего уровня, уведомит его о том сама благодать Божия.

В заключение сказанного хочу еще раз повторить слова увещания или, вернее, воодушевления, для всех верующих, утверждая, что они не только могут, но и обязаны заниматься молитвой Иисусовой («Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного»), так называемой «умной молитвой», с твердой верой, что получают от нее великую пользу, на каком бы уровне духовной жизни они ни находились. Память смертная и смиренномудрие вместе с другими приведенными выше вспомогательными средствами способны приблизить успех в этом благом занятии, по благодати Христа, призывание Которого всегда остается его целью.

¹ Ин. 15, 5.

² Пс. 49, 15*.

КАРАЕТ ЛИ БОГ ЧЕЛОВЕКА?

Почему Бог карает? Мы постараемся вкратце ответить на этот вызванный настойчивым любопытством несведущих людей вопрос, исходя из Священного Писания и святоотеческих творений.

Боговидное устройство человека обнажает его независимость в выборе и принятии решений, а также и свободу личности. Божественная воля и явное свидетельство, что *Бог смерти не сотворил и не радуется о гибели живущих*¹, убеждают нас, что вопрос о наказании (адских муках) или осуждении грешников не стоял изначально.

Бог потребовал, «заповедал», чтобы Его творения, которые произошли от Него и, следовательно, не в состоянии действовать без Него, будучи сотворенными, находились в зависимости от Него, своей Первопричины. Заповедь, или, лучше сказать, указание Бога не было понуждением и требованием, но рекомендацией разумно воспринимать существование естественных ограничений в жизни. Если бы люди последовали ей, она легла бы в основу законов бытия всего сущего.

Итак, причина «аномалии» состояла в неразумном замысле тварного человека, решившего по своему выбору воспользоваться собственным правом порвать с Вечно Живой Причиной сущих, Богом, и вследствие этого стать смертным. Человек сам стремительно скатился в бездну смерти и испытал все последствия смертности и тления, которые незаметно проникли во весь состав человеческого естества. Помимо материальной стороны, смертный испытал крушение и гибель также в своем духовном мире. Кроме мучений, страха и скорбей, с самого рождения своего он приобрел мысль, лежащую во зле². Вся красота и богатство разумного величия, на котором основывались «образ и подобие» Божии, были с шумом низвергнуты, так что первозданная красота плачевно *приложится скотом*, если не бесам, и *уподобится им*³.

С этого момента начали проявляться последствия неразумной независимости, подводящие к некоему гибельному итогу. После того как человек, сия ничтожная и тварная частичка, оторвался от Причины вечной жизни, он немедленно стал жалкой жертвой полного искажения природы, в которой угасли свет и рассудительность разумного начала.

Первый признак этого — восстание человека против самого себя и против своего Создателя и Творца.

Уродливое чудовище искажения, диавол, погасило свет разумного начала, предложив вместо естественной потребности — вожделение, вместо порядка и согласия — хищение и обман, вместо вежливого обращения — эгоизм и ненависть.

Порабощенный, переживший падение человек, находящийся во всеобъемлющем абсурде падшего мира, не в состоянии действовать справедливо и быть мудрым, и это относится как к личности, так и к обществу. Человек стал вредным и опасным продуктом распада тварной гармонии вселенной.

Человеколюбивое домостроительство и снисхождение Бога Слова принесли исцеление этого искажения, однако насильно не вторгались в глубины человеческой личности. Ибо поскольку человек, добровольно сделав ошибочный выбор в пользу самостоятельности, получил тление и смерть, он должен добровольно же и вернуться к разумной, естественной зависимости от своей Первопричины, Бога, дабы обрести утерянные некогда жизнь и нетление.

Вот почему от Своих творений Бог требует зависимости и подчинения. Зависимость является не властным предписанием Творца, но существенной и бытийной необходимостью для всех Его творений. Без такой зависимости прекращается жизнь и само бытие сущего. Та-

¹ Прем. 1, 13.

² 1 Ин. 5, 19.

³ Пс. 48, 13.

ким образом, естественным законом и условием бытия и сохранения всего сущего является зависимость такового от своего Начала и Первопричины, Бога.

Человек отказывается от практического пути к исцелению, указанного обновляющим и спасающим Богом. Он или из упрямства, или по вызванной пленением немощи продолжает подчиняться закону и устройению противоестественного, и сам уготовляет себе осуждение.

Человеколюбивое домостроительство Божие через Его к нам Пришествие не только упразднило первородный грех, но и наградило избытком благодати всех тех, кто желает исцелиться и возвратиться в первоначальное состояние. Однако великое искажение, которому подверглись «образ и подобие Божии», заставляет людей уклоняться и стремиться к худшему. Так человеческий ум, лишенный Божественного озарения и просвещения, уподобляется либо скотскому уму, либо демонскому. Но Всеблагий Спаситель и Избавитель в Своем воплощении доказал, что падший человек не потерял волю и право выбора и, следовательно, может вновь обрести духовное здравие и достичь духовного обновления, коль скоро Избавитель вернул благодать, утраченную нами с падением. И не только ее! Наш Спаситель, Христос и Бог, завещал нам «сыновство» и даровал блага, *в которые желают приникнуть Ангелы*¹.

Господь, как Спаситель нашей падшей природы, Своей земной жизнью доказал, что восполнил нашу собственную немощь и бессилие и тем самым возвел человека выше положения и состояния до падения. Следовательно, современный человек может вновь обрести свою личность, дабы снова стать «образом и подобием» Божиим и, кроме того, достичь еще более высокого состояния, поскольку *тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими*². Как доказали миллионы героев веры, последовавшие Христу и подражавшие Его вседобродетельной жизни, *верующие в Него, дела, которые творит Он, и те сотворят, и больше сих сотворят*³.

Когда человек вновь обретет свое боговидное достоинство, он услышит от Избавителя: *где Я, там и слуга Мой будет*⁴, и тогда не будет речи о суде и каре. Кара, несомненно, существует, но вне Бога и далеко от Него: исключительно для бесов, которые добровольно пребывают в высшей степени зла.

Господь не карает тех людей, которые остаются с Ним, соблюдая правила, приличные их личности и естеству. Напротив, Он награждает их *сыновством* и делает Своими наследниками в вечном Царстве Духа.

Все изгоняемые Богом в уготовленную диаволу муку — это те, кто по собственной воле отсеки себя от естественных условий и законов человеческой природы. Это люди, которые упрямо пребывают в противоестественном состоянии и живут подобно скотам и бесам, упорствуя на протяжении всей своей жизни в полной развращенности и отказываясь от исправления через покаяние.

Ведая о том, как легко человеку оступиться и насколько тот немощен, Бог дал ему покаяние, которое продолжается на протяжении всей человеческой жизни. Все, кто соблазнился и поддался безрассудству противоестественности, могут исправить свой проступок, возвратившись на фундамент своего первоначального предназначения. Существует чрезвычайно много примеров из Священного Писания и из обыденной жизни, которые доказывают возможность исправиться через покаяние, вернуться к правилам нравственной и согласной с Богом жизни. Именно так достигли блаженства и благословения Божия те, кто на какой-то миг соблазнились и отошли от пути благочестия. Однако, к несчастью, большинство людей так и пребывает либо неисправимыми, либо вконец заблудшими, давая другим пример отступничества и отпадения от жизни в Боге.

¹ 1 Пет. 1, 12*.

² Ин. 1, 12.

³ Ин. 14, 12*.

⁴ Ин. 12, 26.

К сожалению, некоторые так называемые «церкви» Запада распространяют разные учения о спасении, преисполненные заблуждений, искажающих Православное христианское учение. Спасение человека, как сообщает нам Божественное Откровение, — это не просто освобождение от некоего плачевного состояния и положения и переход в некое более благоприятное место или более счастливое окружение.

Главной целью человеческой жизни является восстановление изначального положения человека в «образе и подобию» Божию. Основной целью воплощения Бога Слова является Его личностное единение с человеком (обожение). Поэтому святые отцы, как истинные носители данного качества, не раз упоминали о *богочеловечестве*, указывая на него как на подлинную цель веры.

Высказывание: *Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе*¹. *И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне*² и логически следующее из него: *тем, кто приняли Его, дал власть быть чадами Божиими*³, — указывают именно на эту цель, которая является квинтэссенцией христианства. И не будет слишком смелым наше утверждение: если бы богочеловеческое состояние не было основной целью и задачей христианской веры, то не имело бы смысла обращаться в нее и посвящать ей всю свою жизнь.

В предыдущих главах книги мы подчеркнули важность всеобъемлющей аскезы как необходимого средства для возвращения всего того, что мы утратили. Мы уже отметили, что причиной расколотости человеческой личности является развращенное после разрыва с Богом мышление наше, «склонное ко злу». Без уврачевания человек только напрасно тратит силы. Спаситель собственным примером показал нам способ достижения душевного равновесия. Он Сам воплотил в жизнь всеобъемлющую аскезу и подвижничество, хотя и нисколько не нуждался в таковых, и сделал это для того, чтобы разбить нашу ожесточенность и упрямство, доказав, что без тяжелого труда и старания нельзя возвратить растраченное богатство духовное. Когда человек с усердием подвизается и противостоит закону искажения и характеризующей страстную жизнь противоестественности, находясь, таким образом, в своем изначальном устроении, — он получает право на соединение со своим Творцом и пребывание с Ним в вечности.

Господь в Своей первосвященнической молитве просил Отца о том, чтобы остаться и пребывать в вечности с людьми: *хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною*⁴. Господь совершенно ясно призывает нас, как подобных Ему, к уподоблению Себе, обращаясь с такими словами: *будьте святы, потому что Я свят*⁵.

Таким образом, не Бог осуждает людей, исказивших и преступивших границы и законы разумного естества тем, что предались скотству и бесовщине. Они сами отрекаются от законов разума и человеческого достоинства. Несмотря на то, что Бог в Своей благости терпит заблуждения грешников и принимает их, если они снова раскаются и вернутся, извращенные до крайности люди сами не допускают покаяния и отказа от своего извращенного образа жизни и мышления. Они по собственному выбору принимают и предпочитают извращенную жизнь в ненависти и преступлениях, духовно осуществляя ее до самой своей смерти! Так разве Бог судит их, когда они по своей собственной воле, решению и усмотрению предпочли порок и разврат? Разве не было бы несправедливостью лишить их зла и разврата после смерти? Разве было бы справедливым поместить их в среду, противоположную их собственному изволению и предпочтению?

Ведь существует и абсолютная Божия справедливость, которая воздает каждому по делам его и по предпочтению его.

¹ Ин. 17, 21.

² Ин. 17, 22-23.

³ Ин. 1, 12*.

⁴ Ин. 17, 24.

⁵ Лев. 11, 44; 1 Пет. 1, 16*.

В этой жизни всегда брали верх наперсники и поклонники зла, преступлений. Они силой навязывали свою волю людям нравственным и осмотрительным. Они всегда обижали и притесняли их. Миллионы людей были перебиты слугами дьявола, и по большей части не за какие-либо провинности, но только лишь потому, что верили в Истину, соблюдая правила нравственности и достоинства. Так что же вы полагаете? После этого те и другие должны вместе счастливо жить, пребывая в тишине доброты и любви?

Согласно Священному Преданию, положение человека после смерти остается неизменным, и, стало быть, каким стал человек в этой жизни, таким же будет и в вечности. Итак, все те, кто покинул мир сей преступным и неразумным, в будущей жизни останутся именно такими, какими предпочли быть здесь. А следовательно, не смогут обитать они вместе с добрыми и мирными тружениками доброделания и любви.

Итак, Бог не судит человечества, но уготовляет то, что каждый человек предпочитает унести с собой из этой жизни в вечность. А значит, сейчас для нас самое время готовить свое будущее!